#### Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий» ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»

# **Новые исследования** молодых археологов в Крыму

Материалы научной конференции 6-7 октября 2020 года, г. Симферополь

Симферополь 2020

ББК 63.3(0)32 Н 766

#### Рекомендовано к изданию Ученым советом ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»

Научный редактор – доктор исторических наук, профессор И. Н. Храпунов



Издание осуществлено за счет средств гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов в рамках реализации проекта "Археология для молодых: курс профессиональной подготовки"

(№ 20-1-002866)

#### H 766

Новые исследования молодых археологов в Крыму. Материалы научной конференции, 6–7 октября 2020 г., г. Симферополь / Науч. ред. И. Н. Храпунов. – Симферополь: XXXXXX, 2020. – 108 с.

#### ISBN

На первой странице обложки— терракотовая маска Сатира. Городище Тиритака, раскопки В. Н. Зинько, 2005 г.

<sup>©</sup> Авторы, текст, 2020

<sup>©</sup> Храпунов И. Н., сост., 2020

<sup>©</sup> Фонд «Наследие тысячелетий», оригинал-макет, 2020

# Содержание

Аблаев Э. Д. Серебряный чекан монетного двора Крым
<b>Антипенко А. В.</b> Состав сплава деталей костюма и аксессуаров к нему варваров Крымского полуострова I в. до н. э. – IV в. н. э
Астахов И. А. Наконечники стрел из раскопок Белинского городища 14
<b>Ганцев В. К.</b> Средневековые скальные виноградодавильни Юго-Западного Крыма: топография и проблемы датировки
Дедюлькин А. В. Набор для приготовления мяса из кургана Туак-Оба 26
<b>Катцова А. В.</b> Округа античного Китея: новые исследования, предварительные итоги
Котина А. В. Терракотовые маски дионисийского круга из Тиритаки
<b>Краснодубец Е. М., Тюрин М. И.</b> Эллинистический перстень с бодающим быком из Херсонеса Таврического
<b>Набоков А. И.</b> Раннесредневековый некрополь Южный II на южном склоне Мангупа: предварительные итоги и перспективы исследований
<b>Сейдалиева Д. Э.</b> Вторичное использование глазурованной керамики в быту золотоордынского населения Крыма (на примере находок с Солхатского городища)
<b>Тихомиров В. А.</b> Курган с «усами» Северное-1 из крымских предгорий и евразийские аналогии
Чарусов Т. А. Лепной канфар из могильника Дорт-Лемэ
<b>Чемодуров Н. Н.</b> Тавро-скифская экспедиция и ее роль в изучении позднескифской культуры
<b>Шабанов С. Б.</b> Стеклянная чаша позднеримского времени с «зубцами» из могильника «Совхоз №10» (Юго-Западный Крым)
<b>Шкрибляк И. И.</b> Исследования кургана Туак-Оба в предгорном Крыму 97
<b>Эшрепов С. Т.</b> Города и поселения юго-восточного Крыма во второй половине XIII – начале XV вв.
(краткий обзор археологического изучения)
Список сокращений
Сведения об авторах 106

# Э. Д. Аблаев **Серебряный чекан монетного двора Крым**

Серебряная монета является ярким признаком развитых торговых отношений на какой-либо территории. Начало чеканки серебряной монеты на полуострове принято связывать с приходом к власти Менгу-Тимура в 1276 году (674 г. х.). Но до начала чеканки серебра, монетный двор наладил выпуск медных дирхемов. Как правило, данные монеты являлись анонимными, с тамгой Берке, или без тамги.

Данную тематику еще в первой половине XIX в. начал Х. М. Френ. Автор описал большое количество монетного материала, в том числе серебряных монет крымского чекана, положив начало изучению данной темы. Далее уже Г. А. Федоров-Давыдов составил объемный труд, посвященный нумизматике Золотой Орды. Автор составил наиболее полный свод найденных кладов. И на их основании были установлены три основные денежные реформы и четыре периода денежного обращения, касающиеся также полуострова. Естественно, это не полный список авторов, занимавшихся данной проблематикой.

1277 год (675 г. х.) ознаменовался началом выпуска первых серебряных монет. Но сами монеты были немного видоизменены. На новых монетах ставилась тамга и имя хана. Кроме этого перед именем хана стоял титул правителя монголов в различных формах: кан, ал-адил, или каан ал-адил (Петров, 2010, с. 129). Эти титулы безусловно можно относить к Менгу-Тимуру, так как других титулов у него не имелось (Петров, 2010, с. 130).

Э. Д. Аблаев 5

Чеканное серебро само по себе предназначено для обращения на всей территории государства. Однако эта аксиома уверенно и однозначно начинает работать в восточных государствах лишь после XVI века (Петров, 2013, с. 205). Это обусловлено экономическими причинами и особенностями административного управления государствами Востока. Давно не является секретом, что существовали зоны локального обращения серебряных монет. Например, в Золотой Орде таких зон было несколько. Одной из таких зон являлся Крым, что объясняет наличие серебряных кладов, большинство монет которых местного чекана.

Так, например, на территории поселения Эски-Юрт (район железнодорожного вокзала Бахчисарая) в период 1890—1892 гг. было найдено три клада серебра и меди джучидского чекана, в общей сумме более 700 монет. Только небольшая часть находок поступила в собрание Таврической ученой архивной комиссии (Пачкалов, 2019а, с. 78). В рассмотренном комплексе наибольшее количество монет с определенным весом именно крымского чекана (Пачкалов, 2019а, с. 82).

При хане Токте в Улусе Джучи проводится унифицированная денежная реформа. Видимо, старые монеты были запрещены, изъяты из обращения и обменены на новые с выгодой для казны. Начиная с унификационной реформы хана Токты, устанавливается единый стандарт для серебряных монет. В XIV веке в легенде указывалось имя хана и титулатура, монетный двор и год чеканки. Даты обозначались чаще цифрами, но иногда словами. При Узбеке Крым еще чеканил серебряную монету, а при Джанибеке этот центр перестает ее выпускать (Федоров-Давыдов, 2003, с. 13).

Возобновляет выпуск серебра Крым в результате реформы Токтамыша. Он ввел единую временную весовую норму для серебряных монет. Хотя на полуострове продолжалось обращение серебра более ранних эмиссий.

Интересным элементом влияния золотоордынского монетного дела на рынок Восточной Европы XV века был выпуск генуэзскотатарских монет, на одной стороне которых имеется латинская надпись и изображение генуэзского портала, а на другой стороне — арабская легенда (Пачкалов, 2019б, с. 79).

Подводя итог, можно сказать, что чеканка серебряной монеты является своеобразной «лакмусовой бумажкой» для определения уровня экономики и торговли в регионе. Благодаря этим данным

можно определить территориальные границы города на различных этапах его существования, периоды расцвета и упадка, уровень покупательной способности местных жителей. Но к таким результатам может привести исключительно комплексное исследование монетного материала изучаемой территории. Ярким примером необходимости данного исследования является городище Солхат (г. Старый Крым). До сих пор не проводилась попытка сбора и систематизации данных с находок нумизматического материала за весь период изучения городища. Еще в 1963 году Г. А. Федоров-Давыдов отметил, что нумизматический материал не вводится в научный оборот должным образом. На сегодняшний день ситуация существенно не изменилась.

### Список литературы

- Пачкалов А. В. Нумизматические находки из Эски-Юрта (Крым) // Археология, Этнография и Антропология Евразии. 2019а. Вып. II. С. 77–83.
- Пачкалов А. В. Монетное дело и денежное обращение в Золотой Орде // Бюджетный учет. 2019б. Вып. І. С. 74–79.
- Петров П. Н. Клад из Дев-Кескен-Кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском Улусе // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. III. С. 121–149.
- Петров П. Н. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики исторического источника (2) // Золотоордынское обозрение. 2013. Вып. II. С. 191–216.
- **Федоров-Давыдов Г. А.** Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 344 с.

#### А. В. Антипенко

# Состав сплава деталей костюма и аксессуаров к нему варваров Крымского полуострова I в. до н. э. – IV в. н. э.

Объект изучения. В 2018-2019 гг. изучен материал Ів. до н. э. – IV в. н. э., происходящий из раскопок шести могильников варварского населения Крыма. Была проведена работа в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музеязаповедника (далее - БИКАМЗ) с коллекциями раскопок могильников Усть-Альма, Черная речка и Инкерман. Усть-Альминский некрополь расположен в юго-западной части Крымского полуострова, на возвышенном левом берегу р. Альма, у ее впадения в Черное море. Время функционирования могильника относится к І в. до н. э. – середине III в. н. э. (Высотская, 1994, с. 47, 133). В материалах могильника Усть-Альма исследовались изделия из сплавов на медной основе, обнаруженные в ходе раскопок 1964, 1968-1971 гг. (суммарно 187 изделий). В фондах БИКАМЗ анализировался элементный состав изделий из раскопок Чернореченского могильника, который расположен на северной окраине с. Хмельницкое (сейчас — Балаклавский муниципальный округ г. Севастополя). В 1950 г. В. П. Бабенчиковым на территории могильника было исследовано 87 погребальных сооружений, время функционирования могильника определено автором раскопок в пределах II – IV в. н. э. (Бабенчиков, 1963, с. 90, 121-122). Дальнейшие исследования памятника осуществлялись экспедицией под руководством А. И. Айбабина, был открыт участок с раннесредневековыми захоронениями (Айбабин, 1999, с. 61, 63, 91, 199, рис. 21). Данные элементного состава получены для 191 предмета, обнаруженного в ходе раскопок В. П. Бабенчикова. Могильник Инкерман открыт в 1940 г. в ходе строительных работ на правом берегу р. Черной. В 1948 г. экспедиция под руководством Е. В. Веймарна проводила раскопки Инкерманского могильника, по итогам которой установлено, что погребения на некрополе совершались со ІІ по ІV в. н. э. (Веймарн, 1963, с. 15–16, 40–42). Методом рентгенофлуоресцентного анализа исследованы 60 вещей, найденных при раскопках склепов и грунтовых могил.

В фондах ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» был изучен элементный состав деталей костюма и аксессуаров к нему, найденных в ходе раскопок могильника Левадки, расположенного в 6 км к юго-западу от современной границы г. Симферополя. Археологические исследования памятника начаты в 1997 г. экспедицией под руководством С. А. Мульда и продолжались с небольшими перерывами до 2015 г. По датирующему материалу установлено непрерывное функционирование могильника со ІІ в. до н. э. по ІІІ в. н. э. (Мульд, Кропотов, 2015, с. 117—129). Исследованная группа изделий включает 63 предмета различного функционального назначения.

В Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» изучалась коллекция могильника Совхоз-10. Указанный некрополь расположен на территории города федерального значения Севастополь на юго-восточной окраине современного поселка Сахарная Головка (быв. с/х Севастопольский) и исследовался экспедицией под руководством С. Ф. Стрежелецкого в 1954-1967 гг. Погребения датируются в пределах второй половины/конца I – начала V вв. н. э. (Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 27-277). Анализируемая выборка происходила как из погребений, совершенных по обряду ингумации, так и из кремаций. Суммарно было проанализировано 480 находок из цветного металла. Могильник Килен-Балка расположен на территории города федерального значения Севастополь, по ул. Астраханской. Памятник обнаружен в 1968 г., исследовался экспедицией под руководством О. Я. Савели в 1991–1992 гг. Экспедицией раскопаны 7 склепов позднеантичного времени (Контны, Савеля, 2006, с. 129-160). Для исследования были отобраны 30 вещей, представленных в основном предметами поясной гарнитуры.

**Цель.** Получить и проанализировать данные об элементном составе сплава деталей костюма и аксессуаров, найденных в ходе

А. В. Антипенко

археологических исследований варварских памятников Крыма, выявить основные тенденции в использовании сплавов определенной рецептуры на протяжении I в. до н. э. — IV в. н. э.

Методика исследования. Изучение элементного состава выполнялось на энергодисперсионном спектрометре M1 Mistral (Bruker), По – XSpect Pro. Регистрация флуоресцентного излучения проводилась «на воздухе», что позволило детектировать элементы с атомным номером выше 17 (СІ). Исследования проводились в музейных хранилищах, что обеспечивало сохранность изделий и статистически значимую выборку данных. Определение элементного состава осуществлялось в нескольких точках (от 2 до 10) на поверхности всех составных частей образца. Изучаемая область при каждом измерении составляла 1,5х1,5 мм. Для проведения сравнительного анализа выбирались осредненные данные для отдельного изучаемого предмета или его составной части. Элементный состав определяется с диапазоном концентраций до 0.01%. Время измерения 30 секунд. Графики концентрации основных элементов матрицы сплавов строились как для отдельных типов, так и для категорий вещевого инвентаря. Для установления хронологических особенностей использования рецептуры сплавов анализировались данные для надежно датированных комплексов, содержащих значительное количество погребального инвентаря. Следующим уровнем изучения было сравнения данных, полученных для всех синхронных материалов, происходящих из разных некрополей.

**Результаты**. Широкий временной охват исследования позволил установить, что знаковыми периодами в смене рецептуры сплава стали следующие:

1) І в. до н. э. – первая половина І в. н. э. Для этого времени, в целом, не характерно использование в качестве погребального инвентаря изделий из цветного металла, доминируют железные детали поясной и портупейной гарнитуры, украшения из стекла и египетского фаянса. К указанному промежутку времени в исследованном материале относятся единичные находки пряжек подковообразной формы из погребений могильника Усть-Альма (Пуздровский, 2007, с. 71, 74–77). К этому же периоду относится несколько типов браслетов — проволочные многовитковые, с завязанными и несомкнутыми концами. Характерной особенностью периода является традиция ношения ножных браслетов и гривен, к концу І в. н. э. она исчезает. Кроме того, в погребениях

- І в. до н. э. І в. н. э. могильника Усть-Альма встречаются одночленные застежки, близкие «воинским» фибулам позднелатенской схемы, фибулы среднелатенской схемы, а также ранние варианты лучковых подвязных фибул (Высотская, 1994, с. 95—103). Для изготовления вещей, датирующихся І в. до н. э. І в. н. э., применялись сплавы на медной основе, легированные оловом, однако и в указанный период, они не были доминирующими, значительное число вещей изготовлено из «чистой» меди.
- 2) Вторая половина/конец I первая половина III в. н. э. Во второй половине/конце I – середине II в. н. э. ассортимент изделий из сплавов на медной основе становится значительно шире. К этому промежутку времени относится широкое распространение многочисленных металлических амулетов-подвесок и бус (Алексеева, 1982, с. 22-26). С умершими опускают колокольчики различных форм (Стоянова, 2016, с. 140–143) и зеркала с боковой петлей (Хазанов, 1963, с. 65, 66). Кроме того, несколько меняется костюм населения региона. Получает распространение распашная одежда, которую необходимо было скреплять — практически в каждом третьем погребении обнаруживаются фибулы (Кропотов, 2010, с. 29, 30). В основном, это застежки северопричерноморских типов — смычковые (группа 14) и одночленные лучковые подвязные (группы 15, серии I, варианта 3) (Амброз, 1966, с. 47-49). На руках погребенных обнаруживают браслеты различных типов и форм — пластинчатые и проволочные. Материалы некрополя Усть-Альма демонстрируют, что одновременно существовали 8-10 форм браслетов, преимущественно различающихся оформлением окончаний (Высотская, 1994, с. 108-112). Наибольшее количество исследованного материала происходит из комплексов, датированных второй половиной II – первой половиной III в. н. э. В это время продолжают бытовать появившиеся ранее формы подвесных украшений и браслетов, а также фибулы смычковой конструкции и одночленные лучковые с верхней и нижней тетивой. Гораздо чаще, чем в предыдущий период, в погребениях находят предметы поясной гарнитуры, изготовленные из сплавов на основе меди. В погребениях встречаются круглорамчатые пряжки вариантов П1, П2а по В. Ю. Малашеву (Малашев, 2000, с.195, 198, 199), ажурные пряжки с пельтовидной рамкой (Костромичев, 2015, с. 306-329), а также различные формы наконечников ремней (Храпунов, 2008, с. 64-71). Вторая половина Ів. н. э. и последующие два столетия — время расцвета цветной

А. В. Антипенко

металлообработки в регионе, которое характеризуется распространением подвесок, бус, браслетов и фибул причерноморских типов. Материалом для их изготовления служили многокомпонентные сплавы с высокой вариативностью основных компонентов. С середины/конца I — первой половины II вв. н. э. в материалах крымских некрополей фиксируется появление латуни и цинкосодержащих сплавов. Широкое распространение получила практика легирования свинцом, особенно это касается создания литых вещей. Изучение элементного состава вещей из варварских некрополей позволило зафиксировать применение свинцовой лигатуры для создания аксессуаров и украшений на протяжении II — III вв. н. э. Этот факт указывает на то, что местные ремесленники активно использовали лом и вторичное сырье, а недостаток качественного сырья восполняли дешевым материалом — свинцом.

3) Вторая половина III - IV в. н. э. Инвентарь погребений второй половины III – IV в. н. э. претерпевает изменения. Ассортимент фибул становится разнообразней, но абсолютно доминируют изделия причерноморских форм — лучковые подвязные вариантов 15/II-2 и 15/II-3 по А. К. Амброзу, двучленные лучковые варианта 15/III-1 и прогнутые подвязные варианта 16-2/I-1 (Амброз, 1966, с. 52-54, 61,62). Пряжки этого периода представлены небольшими экземплярами с овальной или сегментовидной рамкой и утолщенной передней частью. Пряжки первой половины IV в. н. э. снабжены язычком, ступенчато срезанным в тыльной части (типы П10 и П11 по В. Ю. Малашеву). В конце IV в. н. э. распространяются пряжки, имеющие овальную рамку и хоботковидно загнутый за переднюю часть язычок (Малашев, 2000, с. 196, 202, 203). Разнообразие браслетов существенно уменьшается. В конце III в. н. э. с погребенными еще встречаются проволочные браслеты с перевязанными концами и окончаниями в виде змеиных голов, в захоронениях IV в. н. э. браслеты практически отсутствуют. Отдельные находки ажурных и антропоморфных подвесок есть в материалах конца III – начала IV в. н. э., позднее их находки не известны. Довольно часто встречаются в погребениях миниатюрные полусферические колокольчики и зеркала (Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 55-57). Происходит изменение облика традиционного костюма, вызванное, прежде всего, появлением новых этнических групп на полуострове. Бытующие ранее типы украшений практически полностью выходят из употребления. Предположительно, местное ремесленное производство

затухает, но говорить о его полном уничтожении нельзя. В погребениях продолжают находить причерноморские типы фибул. Анализ элементного состава вещей этого периода показывает, что на смену многокомпонентным сплавам снова приходит «чистая» медь и латунь.

### Список литературы

- **Айбабин А. И.** Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III VII в. н. э.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. IV в. н. э. Москва: Наука, 1966. 111 с. (САИ. Вып. Д. 1–30).
- **Бабенчиков В. П.** Чорноріченский могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. 13. С. 90–122.
- Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. 13. С.15–89.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. 206 с.
- *Контны Б., Савеля Д. Ю.* Вооружение из могильника в Килен-балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С.129–160
- Костромичев Д. А. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // Stratum plus. 2015. №4. С. 299–356.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: «Адеф-Украина», 2010. 384 с.
- **Малашев** В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю. К. Гугуев. Ростовна-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

А. В. Антипенко 13

Муль∂ С. А., Кропотов В. В. Позднескифский могильник Левадки в центральном Крыму (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Уфимский археологический вестник. Уфа: Изд-во ФГБУ науки Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2015. С. 117–129.

- Стоянова А. А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. IV в. н. э.). Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С.122–165.
- *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4. С. 89–96.
- **Храпунов И. Н.** Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 61–79.

#### И. А. Астахов

## Наконечники стрел из раскопок Белинского городища<sup>1</sup>

Городище Белинское, расположенное вблизи Узунларского вала на территории современного Керченского полуострова, занимало важное место в системе обороны Европейского Боспора. Оно было построено при Савромате I в начале II в. н. э. и просуществовало до середины V в. н. э. За это время городище служило базой для крупного воинского соединения, участвовавшего в военных действиях против крымских скифов (Зубарев, 2008, с. 116–122), дважды подвергалось разрушению и дважды восстанавливалось (Зубарев, Седых, 2013, с. 250–274). Находки и данные, полученные во время раскопок Белинского городища, представляют особую важность для изучения позднеантичного Боспора и его военного дела в частности. К таковым находкам относятся наконечники стрел, которые проанализируем в нашей работе.

В первую очередь стоит отметить, что количество обнаруженных наконечников стрел невелико — всего четыре<sup>2</sup>. Из них три получены в результате раскопок непосредственно на городище. Один наконечник обнаружен на некрополе городища Белинское, в погребальной камере склепа № 22, в позвонке погребенного. Можно отметить, что наконечник трехлопастной, втульчатый, бронзовый, размеры 4,2х1,8 см. Более подробный анализ не представляется возможным ввиду того, что наконечник стрелы не извлекали из позвонка погребенного.

<sup>&</sup>lt;sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90039.

<sup>&</sup>lt;sup>2</sup> Данные взяты из «Отчетов об археологических экспедициях на Белинском городище» за 2001, 2010, 2012, 2014 гг. Хранятся в архивных фонда ИА НАН Украины.

И. А. Астахов 15

Возвращаясь к трем наконечникам стрел, обнаруженным на территории городища, стоит отметить, что два из них были найдены на Южном участке городища и один на Северном. Ко всем трем наконечникам мы можем применить условную датировку на основе культурного слоя, в котором они были обнаружены. Наконечники с Южного участка городища были обнаружены в слое желто-коричневого суглинка, что соотносится с третьей четвертью III – серединой IV вв. н. э. Наконечник с Северного участка был обнаружен в слое золы, что также соотносится с третьей четвертью III – серединой IV вв. н. э. Далее мы подробно проанализируем каждый наконечник.

Наконечник стрелы с Северного участка городища Белинского был обнаружен в 2000 году. Имеет размеры 2,9х1,1 см, трехлопастной, черешковый, однако черенок был утерян. Материалом изготовления является бронза. Мы относим данный наконечник к типу 8 по Хазанову (Хазанов, 1971, с. 40), либо к типу 2 варианту 4 черешковых наконечников по Симоненко (Симоненко, 2010, с. 98). В обоих случаях наша условная датировка соотносится со временем использования наконечников данных типов, отмеченным авторами типологии. Оба автора отмечают, что подобные нашему наконечники стрел использовались сарматами вплоть до конца III в. н. э.

Следующий рассматриваемый нами наконечник стрелы был обнаружен на Южном участке городища Белинское в 2009 году. Листовидный, черешковый, размеры 7,8х1,7 см, где длина черенка составляет 4,2 см. Материалом изготовления является железо. Данный наконечник мы относим к типу 11 по Засецкой (Засецкая, 1983, с. 73). К этому типу автор относит черешковые наконечники листовидной формы, распространенные в Евразийских степях в IV – V вв. н. э.

Последний наконечник стрелы также обнаружен на Южном участке городища. Он представляет собой плоский, треугольный, с утерянным черенком наконечник, размером 3,0х1,5 см. Материалом изготовления является бронза. Мы относим данный наконечник к типу 7 сарматских наконечников стрел по Симоненко (Симоненко, 2010, с. 100). Важно подчеркнуть, что плоские, тем более треугольные, наконечники стрел в Евразийских степях отмеченного нами времени встречаются редко и представляют собой единичные экземпляры.

Ввиду всего выше сказанного нас в первую очередь интересует вопрос, почему наконечников стрел на территории Белинского городища было обнаружено так мало. Учитывая, что это пограничная крепость, а внешнеполитическая обстановка на границах Боспорского царства в период поздней античности была напряженной, местный военный контингент должен был оставить после себя большое количество наконечников стрел, если не на городище, то на некрополе вместе с погребенными. Однако среди находок, обнаруженных в погребениях, мы не видим наконечников и каких-либо иных материалов, указывающих на использование луков и стрел местным военным контингентом. В то же время метательное оружие массово представлено на Белинском городище ядрами пращи. Таковых было обнаружено 36 штук, различной массы и диаметра (Астахов, 2018, с. 96–98). По-видимому, гарнизон Белинского городища предпочитал использовать вместо луков пращу.

В. Г. Зубарев полагает, что в последний этап существования Белинского городища как пограничной крепости, а именно в третью четверть III – первую половину IV в. н. э., основу гарнизона составляли представители аланской культуры (Зубарев, 2019, с. 184). Это подтверждается находками серолощенных биконических кувшинов, явно подражающих черняховской керамике, лепных лощёных мисок с полусферическим или усеченно-коническим туловом, которые также относят к черняховской культуре. Во второй половине III в. н. э. на некрополе появляются вырубные склепы с коротким дромосом, аналогичные по конструкции склепам могильников Нейзац, Дружное, Инкерман и др.

По мнению М. Е. Левады, аланы не пользовались луком (Левада, 2013, 181). В первую очередь на это указывает отсутствие деталей луков на могильниках типа Нейзац—Дружное и крайне малое количество наконечников стрел, четыре в Дружном и четыре в Нейзаце (Храпунов, 2002, с. 46; 2010, с. 547, 548). В аланских погребениях на Северном Кавказе наблюдается такая же ситуация (Абрамова, 1997, с. 115.).

Таким образом, можно сделать вывод, что аланы, населявшие Белинское городище в третьей четверти III — первой половине IV вв. н. э., не пользовались луками, так же как их сородичи, погребенные на могильниках Нейзац, Дружное и на Северном

И. А. Астахов 17

Кавказе. Однако ввиду того, что аланы Белинского городища выступали как гарнизон пограничной крепости и не пользовались лошадьми, по сути являясь пешим контингентом, им необходимо было метательное оружие. По-видимому, основным оружием дальнего боя для них являлась праща, а проанализированные нами наконечники стрел только подтверждают версию М. Е. Левады.

### Список литературы

- **Абрамова М. П.** Ранние аланы Северного Кавказа III Vвв. н. э. М.: б. и., 1997. 165 с.
- Астахов И. А. Каменные ядра из раскопок Белинского городища // ПИФК. 2018. № 3. С. 94–101.
- Засецкая И. П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV V вв. н. э.) // История и культура сарматов / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Саратов: б. и., 1983. 70–84.
- Зубарев В. Г. «Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений Европейского Боспора во II V вв. н. э. (на примере городища Белинское) // БИ. 2019. Вып. 38. С. 179–204.
- Зубарев В. Г. Городище «Белинское» в системе фортификации Европейского Боспора в I II вв. н. э. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь: б. и., 2008. С. 116–122.
- Левада М. Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. IV в. н. э.) / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь Бахчисарай: «Доля», 2013. С. 171–187.
- Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб: Нестор-История, 2010. 328 с.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.
- *Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III IV вв. н. э.). Lublin: Wydawnictvo Universitetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с. (Monumenta Studia Gothica II).
- *Храпунов И. Н.* Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica / Red. A. Urbaniak et al. Lodz Warsawa, 2010. C. 535–555.

#### В. К. Ганцев

# Средневековые скальные виноградодавильни Юго-Западного Крыма: топография и проблемы датировки<sup>1</sup>

Изучение средневековых скальных виноградодавилен, расположенных в пределах Юго-Западного Крыма и на Гераклейском полуострове, находится на стадии накопления источниковедческой базы. Анализ специальной литературы демонстрирует, что в этом регионе Крыма находится около 200 специализированных винодельческих комплексов. Рассматриваемые виноградодавильни представляют собой стационарные, монолитные устройства, предназначенные для первичной переработки винограда. Все известные на данный момент средневековые винодельни вырублены в скальной поверхности, состоят из нескольких конструктивных деталей — подпрямоугольного углубления, предназначенного для давки винограда, колоколообразного углубления для сбора виноградного сока; давильная площадка и суслоприемник соединены сливом или каналом, который пробивает борт давильной площадки, иногда имеет выступающий над суслоприемником край («носик»). Рядом с давильной площадкой или в одном из ее бортов вырубали специальное гнездо для конструкции системы рычажного пресса.

Фиксируемые в Юго-Западном Крыму скальные виноградодавильни сосредоточены на памятниках или в округе так называемых

<sup>&</sup>lt;sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90005 «Средневековое виноделие Юго-Западного Крыма по археологическим данным».

В. К. Ганцев 19

«пещерных городов». История их изучения становилась объектом специального исследования, что избавляет нас от повторений (Ганцев, 2019а). В связи с вновь опубликованными в последнее время материалами считаем целесообразным снова обратиться к топографии винодельческих комплексов. На сегодняшний день в данном регионе Крыма насчитывается 18 мест, где зафиксированы скальные винодельни средневекового времени (рис. 1).

Самой северной точкой, где обнаружены средневековые винодельни, является Бакла (рис. 1, 1): одна винодельня открыта под оборонительной стеной (Талис, 1969, с. 57–58) и две (?) в 500 м к западу от цитадели городища (Петровский, Труфанов, 1995, с. 140–141). Далее на юго-запад, по одному тарапану известно в западной части Староселья (Бахчисарайское ущелье) (рис. 1, 2) (Веймарн, 1960, с. 116) и на Чуфут-Кале (рис. 1, 3) (Чореф, 1975).

Крупная группа виноделен открыта в Качинской долине и связана с двумя памятниками — Кыз-Кермен и Качи-Кальон. В границах Кыз-Кермена (рис. 1, 4) расположено семь виноградодавилен (Белый, 2018) и девять виноделен открыто в балке Кая-Арасы, под западным обрывом плато, на котором расположено городище (Белый, 2016). На Качи-Кальоне (рис. 1, 5) сосредоточено наибольшее количество рассматриваемых памятников, хрестоматийной стала версия о 120 (Веймарн, 1978, с. 36). Тем не менее, в литературе встречаются сведения и о 28 (Лавров, 2018, с. 79), и о 83 винодельнях (Гуськов, 2016, с. 240). Безусловно, уточнение их количества должно стать задачей отдельного исследования.

38 винодельческих комплексов зафиксировано в районе северных отрогов горного массива Чердаклы-Баир (округа Сюйреньской крепости) (рис. 1, 6) (Ганцев, 2019б). Одиночный тарапан находится в 3 км к северо-западу от Сюйреньской крепости, на южном пологом склоне возвышенности Тарпан-Тепе (рис. 1, 7) (Ганцев, 2019а, с. 136).

Особое место занимает Мангупское городище (рис. 1, 8), где, кроме 11 скальных виноградодавилен, обнаружены две каменные гири, используемые в конструкции рычажного пресса и две «Н»-образные в плане подрубки-основания под деревянные станины винтового пресса (Герцен и др., 2019). Данный факт свидетельствует об этапах переработки винограда, который не ограничивался только использованием рычажного пресса, но и включал окончательный отжим сока из винограда с помощью винтового пресса. Конечно,

получаемое вино при таком прессовании было низкого качества, но это позволяло получать максимальный объем продукции из имеющегося урожая. К северо-западу от Мангупа обнаружены две (?) винодельни на возвышенности Баллы-Коба (рис. 1, 9) (Ганцев, 2019а, с. 135).

Четыре или пять виноградодавилен открыто на Эски-Кермене (рис. 1, 10) (Репников, 1939, с. 84; Веймарн, 1960, с. 113; Айбабин, 2010, с. 216). В округе данного городища две виноградодавильни фиксируются на юго-западном склоне горного массива Зангурма-Баир (рис. 1, 11) (Репников, 1939, с. 84; Веймарн, 1960, с. 114)<sup>2</sup>.

Одиночная винодельня фиксируется в пещерном монастыре Чельтер-Мармара (рис. 1, 12) (Беляев, 1986, с. 186). Несколько виноградодавилен известно под юго-западным склоном Загайтанской скалы (рис. 1, 13) (Веймарн, 1960, с. 113).

В южной части Гераклейского полуострова на данный момент открыто семь виноделен средневекового времени. Одна виноградодавильня находится у мыса Виноградный (рис. 1, *14*) (Яшаева, 2011, с. 388), две — в Нижне-Юхариной балке (рис. 1, *15*) и четыре — в балке Бермана (рис. 1, *16*) (Аржанов, 2019).

Три виноградодвильни фиксируются в округе ранневизантийской крепости Сиваг-Кермен-Бурун (рис. 1, 17), которая находится в 2,5 км к югу-юго-западу от с. Верхнесадовое (Науменко, 2018, с. 57–58). Одна винодельня локализуется на северном склоне Мартыновской балки (рис. 1, 18), к востоку от Инкермана (Неделькин, 2019, с. 228).

Таким образом, мы можем выделить три крупные топографические зоны расположения средневековых скальных виноградодавилен: первая включает Кыз-Кермен и Качи-Кальон; вторая наиболее обширная зона охватывает округу Сюйреньской крепости, Мангупа и Эски-Кермена; третья — ограничена южной частью Гераклейского полуострова. Обращает на себя внимание тот факт, что винодельни расположены не в глубине предгорий, а находятся на краю Внутренней гряды Крымских гор, что может говорить о желании средневековых виноделов приблизить место производства вина к сухопутным транспортным путям, связывающих их с местом сбыта продукции — средневековым Херсоном. Предварительно можем

<sup>&</sup>lt;sup>2</sup> Упоминаемые Н. И. Репниковым и Е. В. Веймарном винодельни, которые находятся в балке Джурла (с запада ограничивает плато Эски-Кермен) и балке Пхей-Елга (в 1 км к востоку от Эски-Кермена) на местности не локализованы.

В. К. Ганцев 21

выделить две группы, где сосредоточены виноградодавильни — одни находятся в границах оборонительных сооружений (Кыз-Кермен, Мангуп, Эски-Кермен), а вторые расположены под естественными скальными навесами, за пределами крепостей (округа Сюйреньской крепости, балка Кая-Арасы, Тарпан-Тепе, Баллы-Коба и др.).

Датировка скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма и Гераклейского полуострова является дискуссионным вопросом. Это связано с тем, что у нас не так много надежно датируемых винодельческих комплексов, часто они расположены у края естественных скальных выступов или под скальными навесами, где культурный слой отсутствует или не выразителен. Ввиду ограниченности объема данных тезисов, обратимся к датировке лишь нескольких виноделен.

Виноградодавильня, открытая под оборонительной стеной Баклинского городища, датируется, по мнению Д. Л. Талиса, второй половиной или серединой III в., на основании того, что материал из слоя, перекрывавшего винодельню, относится к концу III – IV вв. (Талис, 1969, с. 58). А. В. Сазанов передатировал этот слой второй – третьей четвертью VI в. (Сазанов, 1993, с. 45), предположив, что и функционирование виноградодавильни следует отнести к более позднему времени. Виноградодавильня, открытая к западу от цитадели Баклы, авторами раскопок отнесена к VIII – IX вв. При этом отмечено, что она не могла использоваться позже X – XI вв., когда в ее давильной площадке были вырублены две могилы (Петровский, Труфанов, 1995, с. 141).

Особый интерес вызывают винодельческие комплексы Кыз-Кермена, по той причине, что данное городище представляет собой однослойный памятник, датированный VIII – IX вв. (Белый, 2018, с. 12) и позволяющий соотнести винодельни с этим периодом. Виноградодавильни, расположенные в балке Кая-Арасы, функционировали уже после гибели городища, во второй половине IX – X вв. (Белый, 2018, с. 197).

С определенной достоверностью мы можем сказать, что винодельни Эски-Кермена связаны с жизнью на городище в VII(?) – IX вв. Не ранее X в., во время строительства часовни, расположенной в квартале 1 (юго-восточная часть городища), давильная площадка одной виноградодавильни была практически стесана, а в давильной площадке другой совершили захоронение, перекрытое плитой, ставшей основанием северо-восточного угла часовни (Айбабин, 2018, с. 278–279).

Винодельни Гераклейского полуострова датировать сложно. Так, виноградодавильня у мыса Виноградный прекратила функционировать во второй половине IX — X вв. (Яшаева, 2011, с. 388); винодельня на античном земельном участке № 268 (Нижне-Юхарина балка) использовалась, по всей видимости, с середины IX по первую половину XI в. (Аржанов, 2019, с. 40); давильня, входящая в комплекс «Усадьбы Гриневича» (балка Бермана), относится к рубежу VI/VII — IX вв. (Аржанов, 2019, с. 42).

Таким образом, датировка большинства винодельческих комплексов остается весьма противоречивой и неоднозначной. Имеющиеся данные говорят, что скальные виноградодавильни функционировали, в целом, с VI по XI вв. Выделить хронологические индикаторы для виноделен по их конструктивным и морфологическим особенностям затруднительно, ввиду отсутствия полного реестра этих памятников. К сожалению, большая часть материалов раскопок, где были открыты винодельни и существует возможность точно соотнести их с культурными напластованиями, не опубликована. Надеемся, что продолжение исследований приблизит нас к решению вопросов, связанных с разработкой хронологии бытования средневековых винодельческих комплексов Юго-Западного Крыма и Гераклейского полуострова.

# Список литературы

- Айбабин А. И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214–239.
- **Айбабин А. И.** Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXII. С. 277–304.
- Аржанов А. Ю. Средневековые скальные винодельни Гераклейского полуострова // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы науч. конф. / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: б. и., 2019. С. 36–46.
- Веймарн Е. В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 10. С. 109–117.
- **Веймарн Е. В. Чореф М. Я.** «Корабль» на Каче. Симферополь: Таврия, 1978. 86 с.

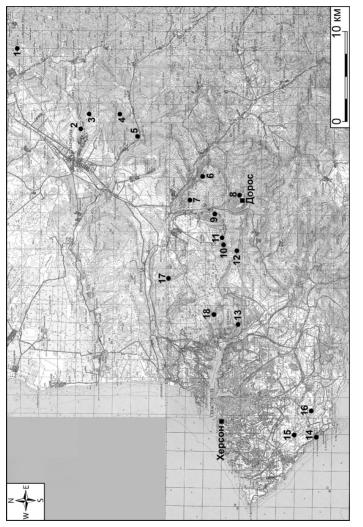
В. К. Ганцев 23

Белый А. В. Винодельческий комплекс хазарского времени в районе Кыз-Кермена // Сугдейский сборник. 2016. Вып. VI. С. 185–198.

- **Белый А. В.** Виноградные давильни городища Кыз-Кермен // Судакский сборник. Симферополь: H.Opiaнда, 2018. C. 11–24.
- Беляев С. А., Буренков В. А. Исследование пещерного комплекса Чилтеры в 1973–1981 гг. // ВВ. 1986. Т. 46. С. 181–188.
- Ганцев В. К. Итоги и перспективы исследований средневековых памятников виноградарства и виноделия в Юго-Западном Крыму // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. / Редсост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь—Керчь, 2019. С. 132–137.
- Ганцев В. К. Археологические разведки в районе северных отрогов горного массива Чердаклы-Баир в с. Большое Садовое Бахчисарайского района // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 73–78.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Ганцев В. К. Скальные виноградодавильни Мангупа // XI Международный Византийский семинар «ХЕРΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы науч. конф. / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: 6. и., 2019. С. 79–86.
- Гуськов А. А. Многообразие тарапанов пещерного города Качи-Кальон // Спелеология и спелестология. Харьков: Курсор, 2016. С. 239–247.
- Лавров В. В. Археологические разведки на городище Качи-Кальон (Бахчисарайский район) в 2016 г. // История и археология Крыма. 2018. Вып. VIII. С. 79–80.
- Науменко В. Е. Укрепление Сиваг-Кермен в Юго-Западной Крыму, новая византийская крепость Страны Дори Прокопия Кесарийского (Общие итоги археологического изучения памятника в 2015–2017 гг.) // АДСВ. 2018. Вып. 45. С. 54–72.
- Неделькин Е. В. Археологические разведки на территории Балаклавского и Нахимовского районов г. Севастополя в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 227–230.
- Петровский В. А., Труфанов А. А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Редсост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 136–142.

- **Репников Н. И.** Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма. Научный архив ИИМК РАН НА РО, ф. 10, оп. 1, д. 9/10, 387 с. [1939-1940 гг.].
- Сазанов А. В. К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища // История и археология Юго-Западного Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1993. С. 38–49.
- *Талис Д. Л.* Раскопки Баклинского городища в 1961–1965 гг. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 57–63.
- Чореф М. Я. Винодельческий комплекс средневекового городища Чуфут-Кале. Отчет об археологических работах на Чуфут-Кале в 1975. Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, ф. 2, оп. 18, д. 11.
- Яшаева Т. Ю. Винодельческий комплекс у пещерного храма 2 на мысе Виноградном // Археологічні дослідження в Україні: 2010. Київ: Волинські старожитності, 2012. С. 388.

В. К. Ганцев 25



**Рис. 1.** Карта с указанием расположения средневековых скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма и Гераклейского полуострова. 1 — Бакла; 2 — Бахчисарайское ущелье; 3 — Чуфут-Кале; 4 — Кыз-Кермен и округа; 5 — Качи-Кальон; 6 — округа Сюйреньской крепости; 7 — Тарпан-Тепе; 8 — Мангуп-Кале; 9 — Баллы-Коба; 10 — Эски-Кермен; 11 — округа Эски-Кермена; 12- Чельтер-Мармара; 13- Загайтанская скала; 74- м. Виноградный; 75- Нижне-Юхарина балка; 16 — балка Бермана; 17 — округа крепости Сиваг-Кермен-Бурун; 18 — Мартынова балка

#### А. В. Дедюлькин

# Набор для приготовления мяса из кургана Туак-Оба<sup>1</sup>

Курган Туак-Оба в Предгорном Крыму исследовался экспедицией историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» под руководством И. И. Шкрибляк и Ю. П. Зайцева в 2017—2018 гг. (Шкрибляк, 2019). Погребение в склепе с четырехскатным уступчатым сводом, погребальным ложем и монументальным алтарем было ограблено.

В расположенной над склепом разгрузочной камере в числе прочего инвентаря был обнаружен набор приспособлений для приготовления мяса: решетка-гриль, большая ложка со сливом, черпак и щипцы (рис. 1; 2, 1–4). В этот набор входят предметы, связанные как с греческой, так и со скифской культурой. Значительный интерес представляет прямоугольная железная решетка-гриль для жарки мяса (рис. 2, 1). Она состоит из двух П-образных боковых стоек, которые соединяются семью прутьями четырехугольного сечения. К одной из стоек прикреплена подвижная D-образная ручка.

Аналогичные грили на невысоких ножках были широко распространены в Греции и Италии (рис. 2, 5–7) на протяжении всей античной эпохи. Железная решетка-гриль была найдена в богатой этрусской гробнице в Монтелеоне ди Сполето, датируемой VI в. до н. э. (Emiliozzi, 2011, fig. I, 11). Не вызывает сомнений, что прямоугольные керамические грили подражали форме металлических (Gouin, Vogt, 1998, р. 291). Отождествление этих предметов

<sup>&</sup>lt;sup>1</sup> Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Археологические исследования царского скифского кургана Туак-Оба в Предгорном Крыму» (№ 20-09-00456).

с гастроптом (уаотроттпс), предложенное Д. А. Эмиксом (Атух, 1958, р. 232), небесспорно. Вполне возможно, что подобные решетки называли эсхарами, как и обычные жаровни (Sparkes, 1962, р. 129). В Северном Причерноморье прямоугольные железные грили-решетки найдены в Горгиппии в слоях римского времени (Алексеева, 1997, с. 142-143). В скифских курганах грили являются редкостью. Известна всего одна решетка с изящно украшенной бронзовой рамой на колесиках из основного погребения кургана Солоха (Манцевич, 1987, с. 37-38). Подобные грили с бронзовой рамой отличаются сложным устройством. Решетка монтировалась в нарядно украшенную раму, снабженную колесиками, а для жарки можно было использовать не только поверхность гриля, но и вертела, размещая их на верхнем крае рамы. Железный черпак с чашкой, собранной из склепанных в одной точке пересекающихся полос, загнутых вверх (рис. 2, 3), связан со скифской культурой. Подобные черпаки были обнаружены в котлах и служили для извлечения вареного мяса (Бабенко, 2005, с. 152-153; Бидзиля, Полин, 2012, с. 352; Пузикова, 2017, с. 29). С. В. Полин отметил, что эти узкоспециализированные изделия характерны для курганов знати (Бидзиля, Полин, 2012, с. 353). В разгрузочной камере кургана Туак-Оба не было котла, но на его присутствие указывают кости лошади, пропитанные окислами бронзы, найденные в ограбленном склепе. Значительный интерес представляют железные щипцы с ручками разной длины (рис. 2, 4). Очень необычен способ их сжатия — для этого надо разводить ручки в разные стороны. Близки щипцам из Туак-Обы железные щипцы из Гаймановой Могилы (Бидзиля, Полин, 2012, с. 372-373). Они снабжены круглой коробочкой с крышкой, что позволяет их интерпретировать как небольшую закрытую жаровню для переноски раскаленных углей.

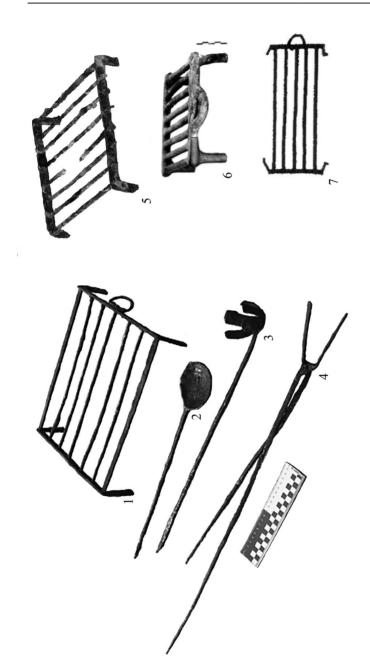
Вероятно, щипцы из Туак-Обы могли использоваться при жарке мяса на решетке-гриле. Набор кухонных принадлежностей из кургана Туак-Оба демонстрирует наряду с сохранением скифских традиций и сильное греческое влияние. Это хорошо согласуется с выводами Ю. П. Зайцева о высокой степени эллинизации крымских скифов в последней четверти IV в. до н. э. — первой четверти III в. до н. э. (Зайцев, 2019, с. 101–102), что нашло проявление как в архитектуре самого склепа курагана Туак-Оба, так и в планировке укреплений расположенной рядом крепости Ак-Кая.

### Список литературы

- Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.
- **Бабенко Л. И.** Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД Райдер, 2005. 284 с.
- Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с.
- Зайцев Ю. П. Эллинизация крымских варваров: современное состояние проблемы // Античные Реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 17-19 сентября 2019 г. / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2019. С. 101–106.
- *Манцевич А. П.* Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987. 143 с.
- Пузикова А. И. Погребальный инвентарь курганных могильников скифского времени Среднего Подонья. М: ИА РАН, 2017. 160 с.
- Шкрибляк И. И. Опыт трехмерной фиксации кургана скифского времени Туак-Оба в Крыму // Новые материалы и методы археологического исследовния. От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН. 2019. С. 116—117.
- Amyx D. A. The Attic Stelai. Part III. Vases and Other Containers // Hesperia. 1958. Vol. 27. P. 164–254.
- Emiliozzi A. The Etruscan Chariot from Monteleone di Spoleto // Metropolitan Museum Journal, 2011, Vol. 46, P. 9–32.
- Gouin P., Vogt C. Autopsie d'un gril proto-byzantin // Anatolia Antiqua. 1998.
  Tome 6. P. 287–298.
- Sparkes B. A. The Greek Kitchen // The Journal of Hellenic Studies. 1962. Vol. 82. P. 121–137.
- Фотография решетки-гриль из этрусской гробницы в Монтелеоне ди Сполето. [Электронный ресурс.] URL: <a href="https://www.metmuseum.org/art/collection/search/247060">https://www.metmuseum.org/art/collection/search/247060</a> (дата обращения 25.05.2020).



Рис. 1. Кухонные принадлежности в разгрузочной камере над склепом кургана Туак-Оба



гриль: 1- железная решетка-гриль; 2- железная ложка со сливом; 3- железный черпак; 4- железные щипцы; 5-- железная решетка-гриль из этрусской гробницы в Монтелеоне ди Сполето, VI в. до н. э. (https://www.metmuseum.org/ art/collection/search/247060); 6 — керамическая решетка-гриль с афинской агоры (Атух, 1958, Pt. 49, d), IV – III в в. до н. э.; **Рис. 2.** 1—4 — кухонные принадлежности из разгрузочной камеры над склепом кургана Туак-Оба. 5–7 — аналогии решетке-7 — изображение решетки-гриль на римской мозаике из Марбельи (Gouin, Vogt, 1998, Fig. 5), II в. н. э.

# А. В. Катцова Округа античного Китея: новые исследования, предварительные итоги

Исследованию округи городов Боспора посвящено множество работ. Необходимость изучения окружающей античный город сельскохозяйственной территории очевидна. Разведочные работы, картографирование и первичное описание памятников осуществлялось уже в середине XX века. Подобные работы продолжаются и сейчас. Изданы обобщающие монографии, статьи и тезисы докладов, посвященные хоре Боспора или округе отдельных городов. Подробный историографический очерк об изучении хоры городов раннего Боспора представлен в работе С. Н. Прокопенко (Прокопенко, 2008, с. 20). На основе полученных материалов созданы картографированные каталоги античных памятников (Смекалов, 2010; Смекалов, 2013, с. 697; Бейлин и др., 2014, с. 35).

Античный город Китей, как и другие города Боспора, обладал обширной сельскохозяйственной округой. Город окружен равниной, где в разном направлении и на различную протяженность проходят цепи холмов. Специальному исследованию хоры античного Китея посвящены статьи С. Н. Прокопенко (Прокопенко, 2008, с. 119; Прокопенко, 2010, с. 19 и др). Недостаточная изученность исследуемой темы отмечалась и в работах автора. Особое внимание пространственному окружению позднеантичного Китея уделил Н. Н. Болгов (Болгов, 2007, с. 171).

В округе Китея, еще в результате работ И. Т. Кругликовой, зафиксированы небольшие поселения, расположенные к западу и восто-

ку от города (Кругликова, 1975, с. 254—255; Бейлин и др., 2014, с. 39; Смекалов, 2010). Археологические разведки на данной территории проводились неоднократно, в том числе и в последние годы. Постепенно полученные сведения вводятся в научный оборот, что позволяет расширить наши знания об исследуемой территории.

Однако одной из важных задач в изучении окружающего город пространства является также исследование территории, непосредственно примыкающей к городу. Несмотря на многолетние изыскания, характер и степень освоения ближайшего предместья Китея до настоящего времени оставались неизученными. Учитывая значимость и актуальность данного исследования, в 2019 году Китейской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа были проведены разведочные работы в непосредственной близости от города, вне его оборонительных стен. Ближайшая к городу округа имеет естественные ландшафтные ограничения. С севера, на расстоянии 1,5 км от города проходит хребет с вершиной Джург-Оба, у подножья которого расположен некрополь. Могильники различного типа зафиксированы также с северо-востока и юго-запада от города (Хршановский, 2018, с. 256). Погребальные сооружения и поминальные комплексы на последнем из указанных участков, по мнению В. А. Хршановского, перекрывались насыпями в форме «валов», идущих параллельно друг другу и вытянутых в меридиональном направлении. Как указывает автор, «есть все основания предполагать, что «валы» в древности тянулись к северу до подножья Джург-Обы, и лишь впоследствии, в ходе сельскохозяйственного (в середине XX века) освоения территории, они оказались распаханными» (Хршановский, 2018, с. 256). Незатронутая погребальными комплексами территория — это пространство к северо-западу от городища, за линией северной крепостной стены. Северо-восточной границей данного участка является грунтовый могильник, северной — курганный и грунтовый некрополь у подножья хребта Джург-Оба, юго-западной — подножие первого «вала».

На прилегающем к городу пространстве произведен сбор подъемного материала. К сожалению, особенностью исследуемой территории является нарушенность гумусового горизонта в результате современной вспашки, что не позволяет рассматривать подъемный материал в приуроченности к конкретному месту. Однако выявить некоторую закономерность в распространении материала все же удалось. Наибольшая концентрация находок зафиксирована близ

А. В. Катцова 33

городища, вдоль линии северной оборонительной стены и на протяжении 200 м к северу от главных ворот города. Керамика практически отсутствует в северной и северо-восточной части участка, близ прилегающего к городу некрополя, а также на небольшом отрезке с западной стороны. Профильные фрагменты амфорной тары представлены обломками хронологически разновременных сосудов с преобладанием материала I – IV в. н. э.

На территории общей площадью 21,8 га было заложено 10 шурфов (рис. 1). Результаты работ показали различия в мощности культурного слоя, степени насыщенности керамическим материалом, разницу в характере находок. Данные геофизических исследований также неоднородны. На основании этих материалов можно, на наш взгляд, выделить несколько зон освоения исследованной территории.

Наибольшая мощность культурного слоя отмечена на расстоянии 100-200 м от оборонительных стен города, напротив северных городских ворот и насчитывает от 1,1-1,9 м (шурфы 8, 9, 10). Здесь же зафиксирована максимальная насыщенность слоя разнообразным керамическим материалом, численность которого составила от 54 до 461 фрагмента в каждом из шурфов. Обнаружены керамическая пробка, кости животных, раковины мидий, фрагменты печины. Согласно данным георадарной разведки в непосредственной близости от оборонительных стен и на расстоянии 100-120 м от них зафиксированы признаки антропогенных нарушений (предположительно, фрагменты фундаментов и оснований сооружений) и структуры грунтовых объектов. По результатам магнитной разведки здесь же выявлены магнитные аномалии, появление которых можно связать с антропогенной деятельностью. Данную территорию, на наш взгляд, следует относить к ближайшему предместью города, граница которого проходила за линией оборонительных стен с севера и северо-востока, отступая на незначительное расстояние от них, и, не доходя до границы с грунтовым некрополем. С северо-запада ее можно провести на расстоянии около 100 м от города. С запада граница проходит в 250 м от оборонительной стены и тянется «языком» от входных ворот Китея по направлению к хребту Джург-Оба. С юго-западной стороны городища граница обозначена условно вдоль линии полы первого «вала», тянущегося от береговой линии.

С запада к городскому пространству Китея примыкала хора. Именно здесь в материалах шурфов прослеживается сочетание значительной мощности культурного слоя и скудости керамических находок, фиксируемых преимущественно в верхних условных горизонтах (шурфы №№ 2, 5). Глубина слоя насчитывает 0,7–1,1 м, количество обломков керамики составило от 19 до 54 фрагментов в каждом шурфе. Фаунистический материал и индивидуальные находки отсутствуют. Подобное сочетание позволяет связывать выявленный культурный слой не с городским пространством, а его хорой, где, безусловно, также фиксируются следы жизнедеятельности. В ходе георадарных работ отмечены структурные нарушения, характерные для больших ям или землянок. По результатам магнитных работ на протяжении всего участка исследований были выявлены множественные аномалии, которые позволяют предположить о существовании здесь каменных построек или иных объектов, связанных с антропогенным воздействием. Примыкающие к данному участку линейные объекты — «валы», скорее всего, не погребальные комплексы, а межевые валики предполагаемых земельных наделов, также свидетельствуют в пользу выдвинутого нами предположения. На картографированной схеме пригодности почв Европейского Боспора округа Китея отнесена к зоне наиболее плодородных земель (Гарбузов, 2015, с. 347, 350). Высказывались предположения о возможности существования на хоре Китея сплошного ортогонального размежевания (Смекалова, 2005, с. 81). Предварительно в округе города выделено пять типов «размежевания». Одна из них, наименьшего размера, скорее всего, соответствует насыпям — «валам». С осторожностью можно предположить, что распространение культурного слоя по направлению от городских ворот к подножью Джург-Оба свидетельствует о наличии здесь и дороги, которая ограничивала хору.

Совсем другая ситуация фиксируется на границе с грунтовым могильником (шурфы №№ 3 и 4). Здесь отмечена скудость керамического материала и незначительная мощность слоя, что не дает оснований утверждать об активном освоении данной территории. Слой исследован на глубину 0,5–0,8 м, численность находок насчитывает 21–23 фрагмента. В результате георадарных исследований выявлены множественные глубинные нарушения структуры, связанные со строительством склепов, а также мелкомасштабные малоконтрастные структуры, характерные для грунтовых захо-

А. В. Катцова 35

ронений. В ходе магнитной разведки изменения магнитного фона фиксируются на расстоянии до 150 м к северу и на 40 м к западу от линии уже изученных склепов, что позволяет предположить о возможности смещения границ могильника в данную сторону.

Территория с северо-востока, между границей предместья и грунтовым некрополем, активно не использовалась. Выявленный грунт очень плотный, глинистый (шурфы №№ 6, 7). Представленный материал скудный и невыразительный. Слой открыт на глубину до 1,0 м, количество обломков керамики насчитывает от 20 до 53 мелких фрагментов. Характер грунта исследованных шурфов свидетельствует о близком уровне залегания грунтовых вод. Однако с уверенностью утверждать о наличии здесь в древности водного пространства, отделяющего город от некрополя, пока должных оснований нет. Возможно, характер почвы был иной и не позволял проводить активные сельскохозяйственные работы. К косвенным подтверждениям этого предположения можно отнести отсутствие насыпей в форме валов в прибрежной зоне, хорошо прослеживаемых к западу от города. Регистрируемые на данном участке аномальные нарушения могут быть как антропогенного, так и естественного происхождения.

За линией восточной оборонительной стены (шурф № 1) культурных напластований античного времени не выявлено. Материал представлен многочисленными обломками современного стекла, пластика, железа.

Безусловно, представленные выводы носят предварительный характер и требуют дальнейших исследований, которые опровергнут или подтвердят наши предположения.

### Список литературы

- Бейлин Д. В., Ермолин Е. Л., Масленников А. А., Смекалов С. Л. Античные поселения Европейского Боспора эллинистического времени (каталог памятников) // Древности Боспора. 2014. Том 18. С. 35–42.
- Болгов Н. Н. Город Китей в позднеантичный период: особенности топографии и новые материалы // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Часть 1. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2007. С. 171–177.
- Гарбузов Г. П. Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений Европейского Боспора // Проблемы истории, филологии и культуры. 2015. №1 (47). С. 344–353.
- Кругликов И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
- Прокопенко С. Н. Изучение хоры городов раннего Боспора в отечественной историографии // Научные ведомости БелГУ. 2008. №5(45). Вып.7. С. 20–25.
- Прокопенко С. Н. Хора Китея, Киммерика и Акры в кон. VI 1-й четв. III в. до н. э. // Кондаковские чтения II. Проблемы культурно-исторических эпох. Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. Н. Н. Болгов. Белгород: Изд. БелГУ, 2008. С. 119–128.
- Прокопенко С. Н. Палеоэкономическая модель развития хоры "малых" городов раннего Боспора // Научные ведомости БелГУ. 2010. №7(78). Вып.14. С. 19–24.
- Смекалов С. Л. Археологическая карта Крыма [электронный ресурс] http://www.archmap.ru/97.htm (дата обращения 30.05.2020).
- Смекалов С. Л. Обобщение и систематизация сведений о поселениях Европейского Боспора // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Материалы междунар. науч. конф. / Отв.ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор–История, 2013. С. 697–703.
- Смекалова Т. Н., Масленников А. А., Смекалов С. Л. Ортогональные системы размежевания земель европейского Боспора и природно-демографический фактор // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005. С.79–97.
- Хршановский В. А. Некрополи Китейской равнины // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Часть 1. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю.Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Издательско-полиграфический центр СПб Гос. Университета промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 249–258.

А. В. Катцова 37

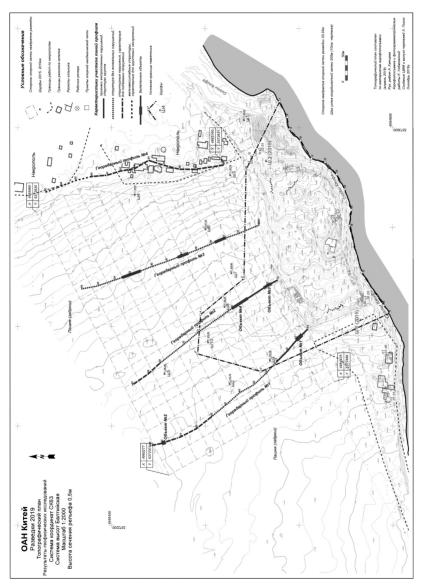


Рис.1. Округа Китея. Топографический план

## Терракотовые маски дионисийского круга из Тиритаки<sup>1</sup>

Известно, что одним из самых распространенных и широко почитаемых на Боспоре божеств был Дионис. Он — бог умирающей и воскресающей природы, вина, виноделия, пиров и плодородия (Сапрыкин, 2009, с. 94). Культ Диониса имел и хтонический аспект — в подземном царстве бог был покровителем умерших (Молева, 2019, с. 310). От посвященных ему дионисийских празднеств, как принято считать, берет свое начало и античный театр (Финогенова, 1990, с. 190). Важное место в культе Диониса занимала маска. Известно, что маска как сакральный объект появляется еще в глубокой древности (Новикова, 1990, с. 16). «Маски — древнейший способ отказаться от собственного «я», приняв новый, необычный облик — перешли к грекам из различных традиций. Налицо связи с культурой неолита, связи с Востоком. Наряду с процессией и танцем одетых в маски людей существовало также почитание маски как таковой — ее помещали на видное место и в отдельных случаях почитали как кумир божества» (Буркерт, 2004, с. 185). Как отмечает Т. И. Ильина, маски играли столь важную роль в культе Диониса, так как он, кроме прочего — божество вина и опьянения. Все, кто приобщаются к нему, могут потерять свой привычный облик и стать другим существом. Таким образом, маска — это символ и инструмент подобного превращения (Ильина, 2017, с. 243). Кроме того, она могла выступать простейшей формой воплощения бога.

<sup>&</sup>lt;sup>1</sup> Выражаю глубокую благодарность начальнику Боспорской охранно-археологической экспедиции Виктору Николаевичу Зинько за возможность опубликовать представленный ниже материал.

Маски могли надевать люди, исполняя танец и «неистовствуя», они изображали Диониса, например, во время праздника Анфестерий (Пантелеев, 2015, с. 106). Спутниками Диониса в числе прочих персонажей (силенов, менад) являлись Сатиры. Поэтому в их изображениях иногда присутствуют атрибуты этого бога — венок из ягод и листьев плюща, виноградные грозди (Финогенова, 1990, с. 195). Во время праздников, посвященных Дионису, люди переодевались в костюмы силенов и сатиров, которые состояли из плосконосых масок со звериными ушами, одеяния из звериной шкуры или передника с лошадиным хвостом и фаллосом (Пантелеев, 2015, с. 107). Сатиры являлись духами плодородия, и, как полагают некоторые исследователи, происходили из народных верований (Нильссон, 1998, с. 19). Так, Н. В. Молева отмечает, что «Фиас этого бога (Диониса — А. К.) — Сатиры, Силены, Пан и Менады — являлись низшими божествами плодородия с древнейших времен и почитались людьми едва ли не в большей степени, чем сам Дионис» (Молева, 2019, с. 311).

Многочисленные материальные свидетельства почитания Диониса и его спутников находят при исследовании городов Боспора, прежде всего, это произведения коропластики. Не является исключением в данной связи и Тиритака. В нашей публикации мы остановимся подробнее на масках Диониса и его фиаса, происходящих из раскопок этого городища. За время исследования Тиритаки Боспорской охранно-археологической экспедицией под руководством В. Н. Зинько (с 2002 г. по настоящее время) было обнаружено 14 предметов², представляющих собой фрагменты и практические целые терракотовые маски. 10 из них — это отдельные небольшие фрагменты лица, волос, бороды, венка масок Диониса или его спутников. Из общего числа, наиболее репрезентативными являются 5 экземпляров. На них и сосредоточим свое внимание.

Одной из самых интересных и уникальной в своем роде среди масок, происходящих из Тиритаки, является маска Сатира (рис. 1). Судя по иконографии, это молодой Сатир. Маска представляет лицо молодого безбородого мужчины, с характерной для Сатиров торжествующей усмешкой. Волосы персонажа густые, волнистые, первоначально были черного цвета (остатки черной краски сохранились над правым ухом и выше). Голову украшает узкая лента с ягодами и листьями плюща, характерная для изображений

<sup>&</sup>lt;sup>2</sup> Все предметы хранятся в Керченском историко-культурном музее-заповеднике.

дионисийского круга. Надо лбом — два небольших рожка. Экспрессию и эмоциональность Сатира передает очень хорошо моделированная пластика лица: мышцы напряжены, лоб нахмурен, рельефно выделена складка на нем. Также выделены упругие, мясистые щеки. Ярко выражены высоко поднятые, дугообразные широкие брови, сведенные к переносице. Глаза большие, с рельефно выделенными веками, широко раскрытые, с просверленными круглыми отверстиями (D=1,4 cм). Нос прямой, небольшой. Рот приоткрыт, верхняя губа тонкая, нижняя — толще, хорошо очерчены. Подбородок маленький, округлый, выступающий. По краям маски, сверху и слева сохранились небольшие круглые отверстия (D=0,7 см) для крепления, сделанные по сырой глине. Такое же (третье) отверстие было и справа, но оно не сохранилось. Внутренняя поверхность и края изделия тщательно заглажены, есть небольшое углубление в центре (его расположение соответствует носу персонажа). Маска состоит из восьми фрагментов, семь из которых склеены между собой, а восьмой (нижняя губа и подбородок) приклеить не представляется возможным ввиду крайне малой площади соприкосновения с основной частью. Изделие сохранилось не полностью: имеются утраты в нижней части (слева и справа), так же есть скол в верхней части маски и мелкие сколы на поверхности. Размеры изделия: ширина — 15,5 см, высота — 18,6 см. Маска сделана в форме, затем доработана стеком, обожжена. Глина местная (Боспор), в изломе серая, содержит мелкие редкие блестки (цвет по Munsell: 2.5YR 6/6 (light red).

Местное боспорское производство изделия сомнений не вызывает, однако, точных аналогий обнаружить не удалось. Возможно, тиритакская маска была выполнена в привозной форме. Иконография, как уже упоминалось выше, передает тип Сатира. Близкие по стилю маски происходят из Пантикапея, Гермонассы, Амиса (Силантьева, 1977, табл. 40, 4; Ермолин, 2007, с. 104; Krogulska, 2006, s. 106; Коровина, 1974, табл. 47, 4; Summerer, 1999, М І 17). Эти маски передают облик молодого Сатира с присущими ему чертами и усмешкой, но, тем не менее, все они отличаются от нашей какими-либо деталями. Еще одним близким по стилю изображения является терракотовая голова молодого Сатира (которая, вероятно, была частью фигурного сосуда конца IV в. до н. э.) (Ильина, 2017, с. 349). Маски из Патикапея и Гермонассы датируются рубежом I в. до н. э. – I в. н. э., либо I в., амисские — эллинистическим

временем. Комплекс, в котором были обнаружены маски Сатиров, исследованный в Пантикапее в 2007 г., автор раскопок датирует концом II – началом III вв. (Ермолин, 2007, с. 105). Что касается датировки рассматриваемой маски из Тиритака, то, исходя из иконографии и особенностей исполнения, а также стилистически близких масок Сатиров, ее следует датировать, вероятно, I – II вв. Эту дату предложила М. Б. Муратова<sup>3</sup>, допустив, что тиритакская маска вполне могла быть изготовлена в этот период. На наш взгляд, учитывая (кроме всего прочего) дату комплекса, с предложенной датировкой можно согласиться. Обнаружена рассматриваемая маска в винодельческой цистерне, в заполнении которой были предметы, указывающие на совершение ритуальных действий, возможно, непосредственно перед тем, как цистерну засыпали. Таким образом, тиритакская маска Сатира, как представляется, оказалась в винодельческой цистерне в качестве сакрального объекта, который, вероятно, был связан с определенными ритуалами, относящимися к культу виноградарства и виноделия, которое в первые века нашей эры в Северном Причерноморье распространяется в больших, чем прежде, масштабах (Винокуров, 2007, с. 357).

Еще один фрагмент маски (КП-170596), возможно, также Сатира (рис. 2, 1), происходит из заполнения хозяйственной ямы № 84. Эта верхняя правая часть (7,6х8,0 см) небольшой маски. Сохранились фрагменты глаза, в виде сквозного просверленного отверстия, нахмуренной дугообразной брови, носа, а также часть волос и венка из листьев и ягод плюща. Внутренняя поверхность тщательно заглажена. Маска оттиснута в забитой форме, поэтому изображение не четкое. Глина местная (Боспор), содержит мелкие блестки (цвет по Munsell: 2.5YR 6/3 – 6/4 (light yellowish brown). На лицевой стороне маски сохранились следы белой грунтовки. Подобная маска происходит из Пантикапея и датируется І в. до н. э. (Силантьева, 1974, табл. 43, 3).

Кроме Сатира, одним из персонажей из свиты Диониса, представленным в коропластике Тиритаки, является юный Пан. Фрагмент маленькой маски (рис. 2, 2) (КП-176087, размеры — 4,2х4,0 см) был обнаружен в 2009 г. польской археологической миссией «Тиритака» Национального музея в Варшаве (руководитель —

<sup>&</sup>lt;sup>3</sup> Автор выражает глубокую благодарность доценту университета Адельфай (Нью-Йорк, США), сотруднику Музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) Майе Борисовне Муратовой за консультацию и ценные замечания.

доктор Альфред Твардецки) на раскопе XXVII в кв. № 8 в ходе исследования перемешанных слоев. Сохранилась левая часть лица: глаз в виде сквозного просверленного отверстия, короткий вздернутый носик, маленький рот, круглая щека, небольшой фрагмент волос. На известных целых масках юного Пана, как и на нашем фрагменте, трактовка лица упрощена, смазанные, сглаженные формы практически не передают эмоционального состояния персонажа (Финогенова, 1990, с. 201). Маска оттиснута в форме, из местной (Боспор) глины (цвет по Munsell 2.5YR 6/6 (light red), в изломе серая, содержит редкие мелкие блестки), обожжена. Аналогии происходят из Пантикапея и датируются первыми веками нашей эры (Финогенова, 1990, рис. 3, 9, 10; Ильина, 2017, кат. 105; Ермолин, 2007, рис. 3, 5).

К изображениям самого Диониса относится фрагмент маленькой маски (рис. 2, 3) (КП-163071, размеры – 3,6х3,1 см; сохранилась верхняя правая часть), происходящий из заполнения СК XXIV. Это голова мужчины в широкой, нависающей надо лбом повязке в виде тюрбана, перевязанного лентой (Ильина, 2017, с. 243), волнистые волосы разделены на прямой пробор, и помимо повязки украшены венком из ягод и листьев. Надо лбом заметны небольшие рожки. Со здоровой стороны маски сохранилось намеченное круглое отверстие. Лицо бога весьма выразительно, даже на сохранившемся его фрагменте заметен характерный прищур глаз, который на целых экземплярах в сочетании со слабой припухлостью щек и чуть заметной улыбкой придает персонажу черты «божественно-цветущей пиршественно-роскошной старости» (Финогенова, 1990, с. 191). Маска относится к типу так называемого Диониса-Быка. Как отмечает Т. А. Ильина, подобная иконографическая схема сложилась в третьей четверти II в. до н. э. в Малой Азии (Ильина, 2017, с. 23). Маска выполнена в форме, с последующей доработкой стеком. Глина местная, тонкая (цвет по Munsell: 7.5YR 6/2 (pinkish gray). Внутренняя поверхность тщательно заглажена. Датируется I в. до н. э. Аналогии происходят из Пантикапея, Мирмекия, Амиса (Денисова, 1981, табл. XXIв (Мирмекий, маски I в. до н. э.); Summerer, 1999, Р II 2 (эллинистическая маска Диониса из Амиса).

И, наконец, еще одним замечательным произведением коропластики из Тиритаки является маска Диониса-Винограда, или Диониса-Ботрюса (рис. 2, 4) (КП-192209, размеры — 6,5 x10,0 см), которая, несмотря на утраты, является очень выразительной.

Голову персонажа венчает высокая стефана из виноградных листьев, надетая на широкую повязку, концы которой выступают по обе стороны длинной клиновидной бороды. Пышные волосы и борода выполнены в виде маленьких круглых выступов, передающих, по мнению ряда исследователей, ягоды винограда. Голова Диониса представлена с легким наклоном вправо, глаза большие, обозначены рельефно, а также белой и серой (радужная оболочка) красками. На щеках и местами на лице сохранилась красная краска. Стоит отметить, что «Обычай обмазывать лицо Диониса красной краской прослеживается в коропластике с VI в. до н. э. Поскольку Дионис воплощал в себе черты умирающего и воскресающего бога крито-микенского мира, красная краска на его лице могла символизировать кровь, как символ очищения» (Молева, 2019, с. 312). Рельефно выделены брови, небольшой нос, приоткрытый рот, пышные усы. Маска выполнена в форме из местной (Боспор), хорошего качества глины (цвет по Munsell: 5YR 6/6 (reddish yellow) с редкими мелкими блестками, доработана стеком. Оборотная сторона заглажена. Судя по иконографии и исполнению, данную маску можно датировать, вероятно, І в. до н. э. Аналогии происходят из Пантикапея, Мирмекия, Херсонеса, Амиса (Ильина, Муратова, 2008, ил. 1, 3, 4; Ильина, 2017, кат. 103, а, б; Пругло, 1970, табл. 44, 5; Шевченко, 2016, кат. 228; Summerer, 1999, Р I 6). Этот тип маски Диониса-Винограда связан с предыдущим, и, по мнению исследователей, возможно, так же происходит из Малой Азии (Финогенова, 1990, с. 191).

Таким образом, несмотря на относительную немногочисленность, терракотовые маски из Тиритаки демонстрируют разнообразие типов: Дионис-Бык, Дионис-Виноград, молодой Сатир, юный Пан. Эти данные, в комплексе с остальными материальными свидетельствами, при проведении дальнейших исследований смогут дать представление об особенностях проявления культа Диониса среди местных жителей, что представляется тем более важным, поскольку одним из основных занятий тиритакцев было виноделие.

## Список литературы

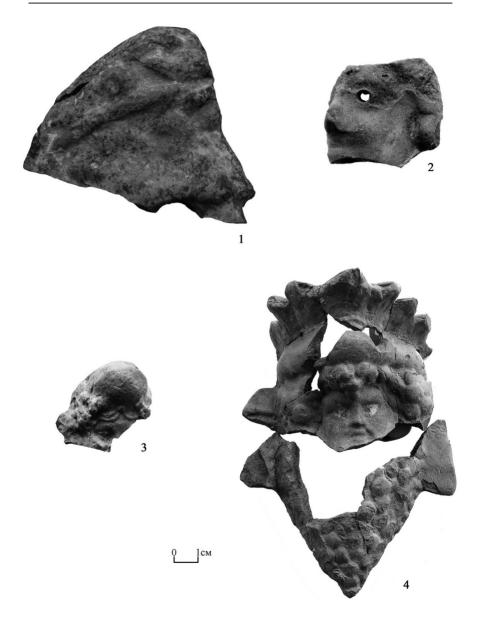
- *Буркерт В.* Греческая религия. Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004. 584 с.
- **Винокуров Н. И.** Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Киев: АДЕФ-Украина, 2007. 456 с.
- **Денисова В. И.** Коропластика Боспора. Л: Наука, 1981. 171 с.
- Ермолин А. Л. Мастерская коропластики II в. н. э. в Пантикапее // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Часть 1 / Ред. О. В. Глотова-Давыдова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 101–106.
- **Ильина Т. А.** Боги-покровители Пантикапея // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 2017. С. 85–94.
- **Ильина** *Т. А., Муратова М. Б.* Вотивные терракоты из храма на акрополе // Древности Боспора. 2008. Вып. 12. С. 287–339.
- Коровина А. К. Терракотовые статуэтки Гермонассы. Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. М.: Наука, 1974. 112 с. (САИ. Вып. Г1 11)
- Молева Н. В. Терракоты дионисийского круга из фондов Муромского историкохудожественного музея (коллекция графов Уваровых) // Боспорские исследования. 2019. Вып. XXXIX. С. 310–319.
- *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб.: Алетейя, 1998. 240 с.
- Новикова Л. А. Феномен маски в культуре (К методике реконструкции древних представлений на межкультурном уровне) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Л.: б. и., 1990. С. 15 17.
- Пантелеев А. Д. Маска в религиозных обрядах и зрелищах // Маска и театр в зрелищной культуре античного мира: сборник научных статей. Т. 23 / Под ред. О. В. Кулишовой, А. Д. Пантелеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2015. С. 101–118. (Труды исторического факультета СПбГУ).
- *Пругло В. И.* Статуэтки из Мирмекия. Терракоты Северного Причерноморья. Терракотовые статуэтки. М.: Наука, 1970. 128 с. (САИ. Ч. І. Вып. Г1 11)
- Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
- *Силантыва П. Ф.* Терракоты Пантикапея. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. М.: Наука, 1974. 123 с. (САИ. Ч. III. Г1-11)..

Финогенова С. И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. № 2. С. 189–203.

- Финогенова С. И. Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. / Ред. И. Е. Данилова. М.: Внешторгиздат, 1992. С. 237–256. (Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Вып. 10).
- *Шевченко А. В.* Терракоты античного Херсонеса и его ближайшей сельской округи. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. 520 с.
- *Krogulska M.* Terakoty z połnocnych wybrzeży Morza Czarnego // Studia i Materiały Archeologiczne. 2006. Tom 13. S. 59–118.
- Summerer L. Hellenistische Terrakotten aus Amisos. Stuttgart: Steiner, 1999, 300 s.



Рис. 1. Маска Сатира



**Рис. 2.** 1 — фрагмент маски Сатира; 2 — фрагмент маски юного Пана; 3 — фрагмент маски Диониса-Быка; 4 — маска Диониса-Винограда

# Е. М. Краснодубец, М. И. Тюрин Эллинистический перстень с бодающим быком из Херсонеса Таврического

Ювелирные изделия, пожалуй, можно считать одной из наиболее сложных категорий археологического материала в отношении датировки. Помимо того, что бытование некоторых форм имеет весьма широкие хронологические границы, отдельные предметы могли находиться в использовании в течение нескольких столетий. В результате, во многих закрытых комплексах, особенно в погребениях, украшения часто оказываются наиболее ранними предметами из контекста.

В частности, большая часть эллинистических перстней Херсонеса происходит из переотложенных слоев, либо утратили свои археологические паспорта вследствие неупорядоченного хранения вплоть до 1925 г., а также трагических событий военных лет.

Наиболее многочисленной и хронологически упорядоченной среди них является группа перстней-печатей «птолемеевского» типа, с массивными овальными щитками, под прямым углом переходящими в широкую шинку (Краснодубец, 2018, с. 107; Неверов, 1986, с. 22). На большинстве из них изображены портреты представителей династии Лагидов (Неверов, 1974, с. 107), что дает датировку соответственно времени правления последних (исключая случаи посмертных изображений Береники II). В то же время, перстни с изображениями обожествленных цариц в образе Изиды, Ники и других богов-покровителей династии, а также животных датируются довольно широко, в пределах III – II вв. до н. э. (Краснодубец, 2018, с. 107).

Лишь для одного предмета из этой группы было установлено происхождение из закрытого комплекса эллинистического времени. Бронзовый перстень (ИКАМ 36590/116) с портретом Птолемея II Филадельфа (Неверов, 2001, с. 132) 285 – 246/245 гг. до н.э. был найден в погребении конца III – начала II вв. до н. э. (№ 31) некрополя у Песочной бухты, открытого при охранных раскопках под руководством Л. Г. Колесниковой и А. Н. Щеглова в 1963 г. Датируется погребение по херсонесскому дихалку: голова Девы в венке — лежащая лань (Щеглов, 1975, с. 110, рис. 1). Таким образом, срок функционального бытования украшения составил около полувека. В противоположность стоит отметить другое кольцо, с изображением Ники (ХМ КП-6403), использовавшееся на протяжении 400-500 лет. Эллинистический перстень был найден среди кальцинированных костей в погребальной урне римского времени (№ 1334) некрополя в Карантинной балке, раскопанного в 1902 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем (Косцюшко-Валюжинич, 1904, с. 11).

Работа с полевыми описями Р. Х. Лепера позволила уточнить происхождение еще одного перстня «птолемеевского» типа из Херсонеса с частично стертым изображением бодающего быка влево (рис. 1, 1). Во время первой инвентаризации 1925 г. предмет ошибочно был записан в Книгу поступлений как происходящий из раскопок 1909 г. без полевого номера (ХМ КП-18515). Однако, имеющийся фрагмент (2,7 х 2,3 см) соответствует описанию «утраченного» предмета из раскопок 1911 г. (п/о 1210/11).

Тот же иконографический образ бодающего быка характерен для изображений на реверсах монет многих эллинистических государств IV — III вв. до н. э., в том числе — Селевка I Никатора (ок. 358–281 гг. до н. э.), однако, на монетах Птолемеев не встречается. Он также повторяется на произведениях раннеэллинистической глиптики и синопских клеймах, например, магистрата Аріотокλῆς III МГ (Кац, 2007, с. 434; Федосеев, 1993, №№ 19, 125). Единственная аналогия среди изображений на перстнях близкого типа в Северном Причерноморье происходит из некрополя Танаиса (Черненко, 2013, с. 126–129), где перстень также является самым ранним предметом в контексте. Однако, несмотря на общий сюжет, композиция врезных изображений и пропорции самих изделий отличаются. В херсонесской чеканке изображения бодающего быка, восходящего к гераклейскому прототипу первой — начала второй четверти IV до н. э. (Туровский, 2017, с. 441), известны с первой четверти

IV в. до н. э. до последней четверти III в. до н. э. (Туровский, Горбатов, 2013, №№ 33–36, 101–115, 134–148, 150, 152, 161, 163–166, 173–176, 177, 201–202). На этом основании ранее было выдвинуто предположение о локальном изготовлении перстня в подражание формы египетских импортов. Тем не менее, недавнее исследование элементного состава группы «птолемеевских перстней» из Херсонеса показало, что перстень с бодающим быком близок александрийской продукции (Антипенко, Краснодубец, 2020; Трейстер, 1982, с. 72–74. таб. 1–2).

Согласно полевой описи, перстень происходит из засыпи эллинистического колодца в пом. V, раскопанного на глубину «5 саженей» (ок. 10,6 м) до водоносного слоя (НАО ГМЗХТ Ф. 1. Д. № 104, л. 13). Единственную привязку о локализации раскопа дает пометка в описи: «Раскопки в Северо-восточной части городища (от монастырских ворот к батарее Канэ)». Раскопки на этом участке проводились в период с 15 по 23 июня 1911 г., однако первая запись в полевом дневнике Р. Х. Лепера о раскопках в III квартале Херсонеса за 1911 г. датируется 10 октября 1911 г. (НАО ГМЗХТ Ф. 1. Д. № 83, л. 1). Летом того года работы также проводились у Западных оборонительных стен (НАО ГМЗХТ Ф.1.Д. № 71, л. 38–39). Как известно, Роман Христианович не составил ни одного отчета о своих раскопках, потому мы не имеем возможности утверждать, вел ли исследователь дневник только по тому участку раскопа, либо же часть записей не сохранилась.

Сопоставляя пометки из описи с известными данными о раскопках 1911 г. логично было бы предположить, что помещение V находилось в северо-восточной части III квартала у пересечения со II продольной улицей. Задачу усложняет и то, что на протяжении 1910 — 1912 гг. Р. Х. Лепер давал одни и те же номера разным помещениям (Лепер, 1930, с. 78). На плане Н. М. Янышева под редакцией К. Э. Гриневича номеру V соответствует небольшое помещение, раскопанное в 1910 г. (Лепер, 1930, с. 76, рис. 21). Не исключено, что раскопки велись и во II квартале (записи о работах в котором имеются только за 1908 — 1909 гг.).

Комплекс засыпи колодца (п/о 1207–1273/11) состоит из предметов второй половины III – первой половины II вв. до н. э. Среди них – фрагменты чернолаковых светильников: книдского (Журавлев, 2005, с. 132, 133, № 28; Bailey, 1975, р. 134, 137–140), на высокой подставке и типа Howland 32/BroneerVII (Журавлев, 2005,

с. 134, № 40; Bussiere, Wohl, 2017, р. 16, № 13); посуды: пергамских столовой амфоры (Егорова, 2017а, № 95–96) и кратера (Рыжова, 2015, с. 91, 92), канфаров классической серии (Егорова, 2017, № 63–64) и аттических S-образного типа (Егорова, 20176, с.73–75), мисок (Егорова, 2017а, № 138; Егорова, 2009, с. 118, №№ 330–331), тарелок, бальзамария (на части сосудов нанесены граффити). А также херсонесских ткацких грузил призматической формы, гончарной красноглиняной мисочки с загнутым краем и клейменных родосских амфор (НАО ГМЗХТ Ф. 1.Д. № 104, л. 12–13). Из 11 родосских клейм, занесенных в полевую опись, к настоящему моменту сохранилось 5, три из которых сильно повреждены. Оставшиеся два клейма служат хроноиндикаторами времени совершения засыпи около середины II в. до н. э.:

1. XM КП-22546 (п/о 1211/11) (рис. 1, 2).

Ἰσίδωρος ροза

Фабрикант Ἰσίδωρος относится к IV хронологической группе,

ок. 160 – 146 гг. до н. э. (Кац, 2007, с. 423).

2. XM KП-22547 (п/о 1213/11) (рис. 1, 3).

Έπὶ Ξενο-

φάντου.

Πανάμου

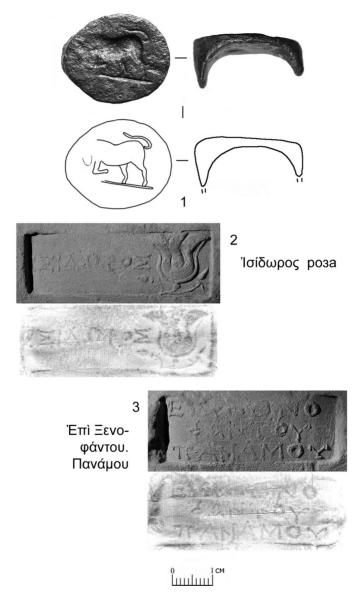
Эпоним Ξενόφαντος, IVb подгруппа, ок. 151 г. до н. э. (Finkielsztejn, 2001, p. 193).

Таким образом, terminus ante quem функционального бытования данного перстня примерно определяется 150—140-ми гг. до н. э. Однако, основываясь на стилистических особенностях врезного изображения, а также присутствие в комплексе материалов второй половины III в., дату изготовления возможно отнести ко времени не позднее последней четверти III в. до н. э.

## Список литературы

- Антипенко А. В., Краснодубец Е. М. Исследования элементного состава перстней «птолемеевского» типа из Херсонеса Таврического // Боспорский феномен. СПб, 2020. (в печати)
- Дневники раскопок Р. Х. Лепера у Западных оборонительных стен. НАО ГМЗХТ Ф.1., Д. № 71. 55 л.
- Дневник раскопок 1911 1912 гг. VII, І. (ІІІ кв.) // НАО ГМЗХТ Ф. 1. Д. № 83. 120 л.
- **Егорова Т. В.** Чернолаковая керамика IV II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ, 2009. 253 с.
- **Егорова Т. В.** Античная чернолаковая керамика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. Каталог. М.: ГМИИ им. А.С.Пушкина, 2017а. 203 с.
- **Егорова Т. В.** К вопросу о датировке S-видных эллинистических канфаров// Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь, 20176. С. 73–79.
- Журавлев Д. В. Светильники из северо-восточного района Херсонеса: позднеархаическое, классическое и эллинистическое время. ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 129–140.
- *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVII. 478 с.
- Краснодубец Е. М. Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы междунар. науч. конф. Ч. 2 / Ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб: ИПЦ СПбГУПТД, 2018 С. 105–112.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 году (с 3 табл. и 40 рис.) // ИИАК. 1902. Вып. 9. С. 1–62.
- **Пепер Р. Х.** Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического // ХСб. 1930. Вып. III. С. 7–139.
- Неверов О. Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в Собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1974. № 1. С. 106–115.
- Неверов О. Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. С. 17–27.

- Неверов О. Я. Памятники глиптики из Херсонеса // ХСб. 2001. Вып. XI. С. 132–133.
- Опись находок из раскопок Р.Х. Лепера в 1911 г. // НАО ГМЗХТ Ф. 1. Д. № 104. 45 л.
- *Рыжова Л. А.* Пергамские эллинистические кратеры (по материалам раскопок Херсонеса) // Причерноморье. История, политика, культура. 2015. Выпуск XVI (V). Серия А. С. 89–104.
- Трейстер М. Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 67–76.
- Туровский Е. Я., Горбатов В. М. Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 160 с.
- *Туровский Е. Я.* О монетном искусстве античного Херсонеса // ПИФК. 2017. № 3. С. 438–449.
- Черненко В. Г. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из некрополя Танаиса эллинистического времени// VIII Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Материалы конференции / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2013. С. 126–129.
- Федосеев Н. Ф. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. №2. С.85–104.
- *Щеглов А. Н.* Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 109–116.
- Bailey D. M. A catalogue of the lamps in the British Museum.Vol. I: Greek, Hellenistic and early Roman pottery lamps. L.: British Museum Publications, 1975. 401 p.
- Bussiere J., Wohl B. L. Ancient lamps in the J. Paul Getty Museum. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 2017. 510 p.
- Finkielsztejn G. Chronologie detaillee e trevisee des eponyme samphori quesrhodiens de 270 a 108 av. J.-C. environ. Oxford: British Archaeological Reports, 2001. 260 p.



**Рис.1.** — фрагмент эллинистического перстня с бодающим быком; 2–3 — родосские амфорные клейма (предметы фондового хранения ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический»)

#### А. И. Набоков

# Раннесредневековый некрополь Южный II на южном склоне Мангупа: предварительные итоги и перспективы исследований

История изучения. Раннесредневековый некрополь Южный II на южном склоне Мангупского плато был открыт в результате его ограбления в начале 90-х гг. ХХ в. В 1996 г. на его территории впервые проведены охранные раскопки, в ходе которых исследованы 26 погребальных сооружений: 21 грунтовой склеп и 5 подбойных могил. Полученный археологический материал позволил датировать памятник второй половиной VI — VIII вв. (Герцен, 1998, с. 41—125). После продолжительной паузы археологическое изучение могильника было продолжено в 2018 г. В ходе этих работ составлен общий топографический план некрополя, на котором картографированы все грабительских шурфы (всего 44) и ряд просадок в южной части. Археологическая часть исследований ограничена работами в пределах одного раскопа, на котором открыты и полностью изучены подбойная могила и грунтовой склеп второй половины VIII в. (Герцен и др., 2019, с. 82—83).

Материалы археологических отчетов о раскопках могильника Южный II в 1996 г. опубликованы в монографиях, изданных в 2013 г. в Германии. Авторы этих публикаций датируют памятник второй половиной VI – VIII в. (Bemmann und andere, 2013a, S. 147–166; Bemmann und andere, 2013b, S. 9–29, 83–98). К сожалению, вопросы топографии, стратиграфии и этнокультурной атрибуции некрополя остались вне внимания исследователей.

Позднее изданы тезисы доклада, посвященного грунтовым склепам могильника Южный II, в которых были обнаружены черепа со следами боевых травм (Науменко, Душенко, 2016, с. 106–108). Краткие результаты изотопного анализа костей погребенных представлены в недавней коллективной монографии, посвященной некрополям Мангупа. На основании этих исследований можно заключить, что основу рациона питания людей, похороненных на территории некрополя, составлял крупный и мелкий рогатый скот (Герцен и др., 2017, с. 224, 227).

Таким образом, на сегодняшний день степень изученности могильника Южный II остается недостаточной.

Топография. Могильник расположен на одном из небольших водораздельных хребтов в нижней части южного склона Мангупского плато (рис. 1, 1). Его территория вытянута в пределах вершины безымянной возвышенности, которая постепенно понижается в направлении с севера на юг. Общая протяженность некрополя составляет 170 м, ширина не более 20 – 30 м, площадь более 0,5 га. Визуально территория некрополя прослеживается по упомянутым грунтовым просадкам и многочисленным грабительским ямам. Топографически ее границы определяются: с запада — относительно крутым склоном хребта, с севера — выходами мергелевых пород, с востока — современной туристической тропой на Мангуп. Южная граница отмечена рядом просадок и границей следов ограбления (рис. 1, 2).

Расположение могильника на пологом склоне горного массива или возвышенности довольно типично для подобных памятников Юго-Западного Крыма. Примерно в 70 м к западу от могильника Южный II располагается могильник Южный I (рис. 1, 3). Сходство погребальных сооружений и инвентаря, обнаруженных на них, может свидетельствовать о том, что это два отдельных участка одного большого некрополя. Однако могильники разделены балкой, на территории которой не обнаружены следы погребальных сооружений. Ввиду этого вопрос взаимосвязи памятников остается открытым.

Топографическая близость могильника Южный II по отношению к Мангупскому плато и наличие здесь предполагаемой древней вьючной тропы в направлении городища свидетельствуют о связи некрополя с раннесредневековым Мангупом-Доросом.

А. И. Набоков 57

Погребальные сооружения. Всего на территории некрополя раскопано 22 грунтовых склепа и 6 подбойных могил. Все погребальные сооружения выкопаны в материковом суглинке. Склепы состоят из прямоугольных, реже округлых, камер общими размерами от 1,50x1,60 м до 3,00x2,00 м, и прямоугольных входных ям (дромосов) длиной 1,60–1,90 м и шириной 0,50–0,80 м. Своды склепов сохранились частично. Вероятно, изначально большинство из них имело коробовый профиль. Особые конструктивные элементы погребальных сооружений, такие как входные ступеньки, ниши или полки в камерах, не зафиксированы. Входные отверстия в погребальную камеру закрывались мергелевыми плитами.

Входные ямы и камеры подбойных могил полностью разрушены, их длина колеблется в пределах 1,50–1,80 м, ширина — 0,60–0,90 м.

Ориентация склепов и могил, в большинстве своем, соответствует оси запад — восток. Погребальные сооружения располагались близко друг к другу, в ряде случаев перекрывали друг друга. Прослеживается порядовка склепов вдоль склона плато. Конструктивно погребальные сооружения не отличаются от одновременных некрополей в Юго-Западном Крыму.

Погребальный обряд. Все погребения полностью или частично разрушены в ходе ограбления. Сохранившиеся in situ индивиды представлены ориентированными по оси запад — восток трупоположениями на спине. Костяки вытянуты вдоль центральных осей склепов, ногами ко входу, руки уложены вдоль тела. Количество погребенных в склепах сильно отличается, от 2 до 24 человек. Таким образом, на могильнике имели место как отдельные ингумации, так и многоярусные захоронения. Погребения мужчин, женщин и детей соседствуют друг с другом.

Погребальный инвентарь и хронология. Ввиду неоднократного ограбления, вещевой материал сохранился частично. Он представлен отдельными элементами поясной гарнитуры, серьгами, перстнями, подвесками, бусами и фрагментами железных изделий. Общая датировка инвентаря уверенно определяется второй половиной VI – VIII вв. В склепе № 12 найдены две медных монеты первой половины IV и второй половины VI вв. Немногочисленные фрагменты керамического материала укладываются в пределах предварительной хронологии могильника.

При изучении времени функционирования некрополя стоит выделить несколько находок. Нижняя хронологическая граница памятника (вторая половина VI – начало VII вв.) определятся пентануммием времени правления Юстина II (565-578) или Тиберия II (578-582), пряжками типа «Суцидава» и трапециевидной В-образной пряжкой варианта II-2 по Айбабину (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 39; Айбабин, 1990, с. 38-39) (рис. 2, 1-3) Кроме этого, две литые пряжки с двойной рамкой квадратной формы из склепов №№ 5 и 7 похожи на пряжки типа А 15 по Шульце-Дёрламм (рис. 2, 4-5), которые, вероятно, стоит датировать второй половиной VI – началом VII вв. (Schulze-Dorrlamm, 2009, S. 30–33). Верхнюю дату могильника, не позднее второй половины VIII в., подтверждает находка в склепе №9а пряжки типа «Эски-Кермен» позднего варианта 6-4 по Айбабину (рис. 2, 6) (Айбабин, 1975, с. 45; Айбабин, 1990, с. 48). На территории некрополя, как подъемный материал, обнаружен фрагмент пряжки «Коринф» 2-го подтипа второй половины VIII – первой половины IX вв. (рис. 2, 7) (Айбабин, 1982, с. 174; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 65). Группа материалов VIII в. и находки вещей салтово-маяцкого круга на соседнем некрополе Южный I дают возможность предположить, что оба памятника продолжали использоваться и в «хазарский» период истории Мангупского городища. В целом погребальный инвентарь могильника Южный II типичен для синхронных могильников Крымского полуострова.

Этнокультурная и социальная атрибуция. Изучение этих вопросов осложнено сильной ограбленностью некрополя, из-за чего практически не возможно соотнести вещевой материал с определенными погребениями. Присутствие серебряных и золотых украшений на памятнике подтверждают высокий социальный статус некоторых погребений. Элементы поясных воинских наборов из склепов №№ 5, 12, 13, 20, а также антропологические материалы со следами боевых травм, дают сведения о воинской специализации части погребенных. Последние, вероятно, имели отношение к гарнизону крепости Дорос.

Общее количество погребенных в исследованных сооружениях составляет 116 человек, среди которых количество мужчин и женщин в целом равное. Кроме этого обнаружены пять черепов с кольцевой лобно-затылочной деформацией.

Подавляющее большинство погребенных относится к европеоидной расе. По вещевому инвентарю и зафиксированному

А. И. Набоков 59

погребальному обряду, этническую принадлежность могильника на данный момент можно определить как гото-аланскую. Но это предположение требует специальных исследований.

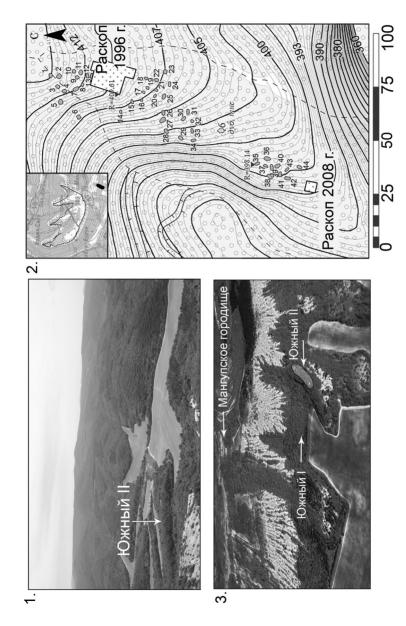
Выводы. Могильник Южный II является слабо изученным памятником, относящимся к раннему периоду истории Мангупского городища. Датировка некрополя в рамках второй половины VI – VIII вв. требует уточнения. Ввиду малочисленности и плохой сохранности погребального инвентаря, необходимо уделить пристальное внимание анализу каждой находки и элементу погребальной обрядности. Перспективным выглядит археологическое изучение памятника на широкой площади, особенно его южной части, не затронутой современным ограблением. Это позволит определить направление роста некрополя и получить новые данные касательно его планиграфии и стратиграфии. Особую роль играет проблема взаимосвязи могильников Южный I и II, а также уточнение их этнокультурной атрибуции.

## Список литературы

- Айбабин А. И. Антропоморфная пряжка из Эски-керменского могильника // СГЭ. 1975. № 40. С. 42–46.
- Айбабин А. И. Погребения конца VII первой половины VIII вв. Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 165–192.
- **Айбабин А. И.** Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. І. С. 3–86.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у с. Лучистое. Раскопки 1972, 1982—1984 гг. Т.1. Симферополь Керчь, 2008. 336 с.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1996 г. Научный архив Института археологии Крыма РАН. 1998 г. Инв. кн. 4. № 490. Папка 842.
- Науменко В. Е., Душенко А. А. К вопросу о датировке склепов с боевыми травмами могильника Южный II // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация. Сборник тезисов докладов междисциплинарной научной конференции Симферополь, 29 ноября 02 декабря 2016 года. Симферополь, 2016. С. 106—108.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV – XVII вв.). М. – СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «Церковь 1968 г.», могильник Южный II // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 79–90.
- Bemmann J., Schneider K., Gercen A. G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Diefrűhmit-telalterlichen Graberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup Ein Vorbericht // Die Hohensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzanti-nischen Rieches / Hrsg. S. Albrecht. Mainz: Romisch-Germanischen Zentralmuseums. 2013. S. 147–166.
- Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Cernys S., Mączynska M., Urbaniak A., von Freden U. Die fruhmittelalterlichen graberfelder von Adym-cokrak, Juznyj I und Juznyj II am fusse des Mangup. Mainz: Romisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. 98 s.

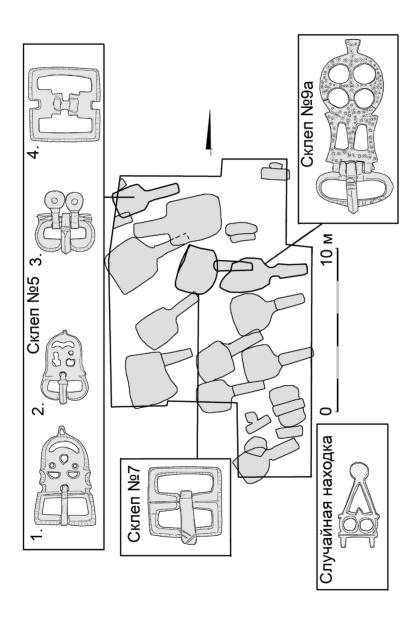
А. И. Набоков 61

Schulze-Dorrlamm M. Byzantinische Gurtelschnallen und Gurtelbeschlageim Romisch-Germanischen Zentralmuseum: Die Schnallen ohne mit laschenbechlag und mitfestem beschlag des 5. bis 7. Scharnierbeschlag und die Schnallen mit angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Romisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009. 408 s.



**Рис. 1.** 1- вид с севера на могильник с Мангупа; 2- топографический план; 3- могильники Южный I и II на космоснимке Google, вид с юго-востока

А. И. Набоков 63



**Рис. 2**. Примерное расположение датирующих пряжек на схеме раскопа 1996 г.

#### Д. Э. Сейдалиева

# Вторичное использование глазурованной керамики в быту золотоордынского населения Крыма (на примере находок с Солхатского городища)<sup>1</sup>

Городище Солхат расположено в юго-восточной части Крымского полуострова, на месте современного города Старый Крым. В XIII веке город становится столицей Крымского юрта Золотой Орды. В конце XIII - XIV вв. в Солхате существовал торгово-ремесленный центр. Одним из наиболее развитых направления ремесленного производства было гончарное. В гончарных мастерских Солхата и его ближайшей округи осуществляли изготовление неполивных и глазурованных красноглиняных сосудов различного назначения. На территории Солхатского городища, вероятней всего, было не менее четырех ремесленных мастерских, три из которых подтверждаются находками гончарных горнов (печи по улице Мустафаева в юго-западном секторе городища, ремесленное поселение Бокаташ-II и архитектурный комплекс «Караван-Сарай»). Г. А. Федоров-Давыдов упоминал, что под зданиями архитектурного комплекса мечети-медресе хана Узбека обнаружены следы ремесленной застройки, но, к сожалению, гончарных печей в этом районе городища пока не обнаружено, хотя отдельные находки полуфабрикатов и треножных подставок (сепаев) имеются (Федоров-Давыдов, 1994, с. 39).

<sup>&</sup>lt;sup>1</sup> Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ №20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

Несмотря на высокоразвитое гончарное ремесло, на золотоордынских памятниках известны находки, свидетельствующие о ремонте рядовой и, особенно, дорогостоящей посуды, вторичном использовании сосудов и их отдельных фрагментов. Починка сосуда состояла в том, что в стенках его просверливали отверстия, через которые стягивали разбитые фрагменты. Если же изделие починить было невозможно, и существовала необходимость изготовить что-то из него, то оно не выбрасывалось, а применялось для производства вещей, для вторичного использования. Об этом свидетельствуют находки пряслиц, игральных фишек (?) и крышек. Единичной находкой представлена заготовка целой фляги пилигрима, в которой по сырой глине прорезаны семь отверстий. Вероятно, она использовалась как светильник. Условно эти категории находок делятся на следующие группы.

#### Группа І. Пряслица

Пряслице — глиняный грузик в форме диска со сквозным отверстием по продольной оси, применявшийся для утяжеления ручного веретена и крепления пряжи на нём, надевался на веретено, чтобы увеличить инерцию и ускорить его вращение (Черлояков, 2018, с. 189). На территории Солхатского городища чаще всего грузики производились из глазурованных кувшинов либо из пиал, хотя известны прясла и из сосудов без покрытия.

Все отобранные для настоящей публикации пряслица красноглиняные с примесью шамота и известняка, дисковидной формы, в центре имеется сквозное отверстие, снаружи покрыты монохромной коричневой или зеленой глазурью. В подавляющем числе случаев эти предметы имеют размеры от 3 до 5 см, толщина таких изделий достигала от 0,5 до 0,8 мм. Вероятней всего, они изготовлялись из сосудов открытых типов (рис. 2, 1–4). Все обнаруженные пряслица изготовлены из сосудов местного производства.

<u>Группа II. Игральные фишки (?) или заготовки для пуговиц (?)</u>

На территории ремесленного поселения Бокаташ II (Крамаровский, 2006) и селища Кринички II (Крамаровский, 2002) обнаружены дисковидные фрагменты, изготовленные из вторично использованных глазурованных сосудов, иногда встречаются с орнаментом, выполненные в технике «сграффито». Вероятней всего, они производились из чаш и предназначались для игр (?) или служили заготовками для пуговиц (?). Толщина таких изделий не превышала 0,5 см, а диаметр достигал 2,3 см. Дисковидные фрагменты

округлой симметричной формы красноглиняные с примесью шамота и известняка, с обеих сторон покрыты глазурью, на некоторых находках имеется орнамент, выполненный в технике «сграффито» (рис. 2, 5–19). Мы выделяем эти предметы в отдельную категорию, поскольку от пряслиц они отличаются размерами, не превышавшими 2,3 см. Все найденные фишки (?) изготовлены из орнаментированных глазурованных изделий.

## Группа III. Крышки

Крышки — изделия специального назначения, которыми перекрывали сосуд открытого типа (Курочкина, 2006). Несмотря на то, что в округе Солхата существовала ремесленная мастерская, где специально производились крышки, имеются находки, изготовленные из фрагментов керамических сосудов. Это предметы дисковидной формы, с достаточно ровным, отбитым краем. Размеры варьируются от 5 до 8 см.

Крышки, сделанные из стенки вторично использованных сосудов (в большинстве случаях это сосуды открытого типа), красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, дисковидной формы

*Тип I.* Снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью без декора (рис. 1, 2–4)

*Tuп II.* Снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» (рис. 1, 1).

Тип III. Снаружи покрыты полихромной (коричневой, зеленой и желтой) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» (рис. 1, 6).

*Тип IV.* Единичной находкой представлен экземпляр крышки, изготовленный из импортного кашинного сосуда, покрытого снаружи голубой глазурью (рис. 1, *5*).

## Группа IV. Целые сосуды (фляга)

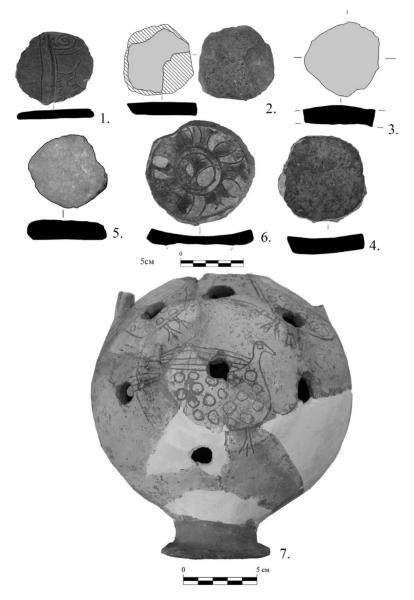
Керамические сосуды, первоначальное назначение которых было изменено, нам практически неизвестны. Единственной находкой на городище Солхат является фляга-полуфабрикат (рис. 1, 7), обнаруженная при раскопках ремесленного поселения Бокаташ II на раскопе XXIII в 2004 году, в закрытом комплексе гончарной печи № 1, датируемой концом XIII — началом XIV в. Высота фляги достигает 21,9 см, а диаметр тулова около 13 см. Сосуд на высоком цилиндрическом поддоне с дисковидным основанием (диаметр 8 см), красноглиняный с примесью крупно дробленного шамота

и известняка, горло и ручки утрачены, покрыт белым ангобом с орнаментом в технике «сграффито» в виде орнитоморфных мотивов, на широких боковых стенках сосуда изображены три шагающие цесарки (Numidameleagris), обращенные вправо и влево, оттопыренный хвост и приподнятые кверху крылья птиц переданы штриховкой, туловища заполнены мелкими кружками (Сейдалиева, 2019, с. 350). Фляга была переделана для других целей, о чем свидетельствуют сверленные отверстия в ее тулове. По мнению М. Г. Крамаровского, сосуд был переделан под светильник с семью сквозными отверстиями, прорезанными по сырой глине в обеих лицевых стенках (Золотая Орда..., с. 147).

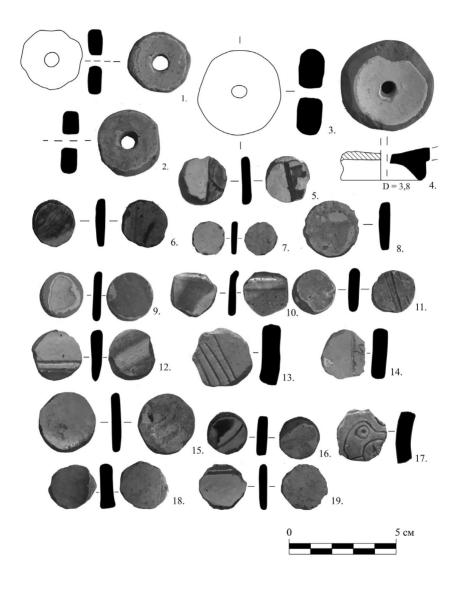
Таким образом, в материальной культуре населения Золотой Орды присутствуют вещи, чье первоначальное назначение было изменено. Факты ремонта, вторичное использование отбракованных и разбитых изделий, могут свидетельствовать как о социально-экономическом положении отдельных членов солхатской городской общины, их статусе, развитии абстрактного мышления и рачительном подходе к имуществу. Полученные данные дополняют сведения о населении золотоордынского Крыма и Улуса Джучи в целом.

## Список литературы

- Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
- Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Золотоордынское поселение Кринички (результаты полевых исследований) // Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000 гг. Вып. І. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. 184 с.
- Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Раскопки в Старом Крыму в 2004 г. Вып. III. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006. 314 с.
- Курочкина С. А. Керамика города Сарай ал-Джедид: Своеобразие керамического комплекса [Электронный ресурс]. Казань, 2006. Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/keramika-goroda-sarai-al-dzhedid-svoeobrazie-keramicheskogo-kompleksa. (дата обращения: 26.02.2020).
- Сейдалиева Д. Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике из городища Солхат и округи // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 336–363.
- Тесленко И. Б., Сейдалиева Д. Э. Местное гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII— начала XV вв. // Крым в золотоордынский период. Каталог выставки. Симферополь: ООО «Издательство «Тарпан», 2016. С. 80–90.
- **Федоров-Давыдов Г. А.** Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 228 с.
- Черлояков И. Г. Пряслица: история и назначение // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Отв. ред. М. Л. Бережнова, И. В. Толпеко. Омск: Издатель—Полиграфист, 2018. С. 189–190.



**Рис. 1.** Вторично использованные изделия, покрытые глазурью. 1 — крышка, тип II; 2-4 — крышки, тип II; 5 — крышка, тип IV; 6 — крышка, тип III; 7 — фляга, переделанная под светильник



**Рис. 2.** Вторично использованные изделия, покрытые глазурью. 1–4 — пряслица, тип I; –19 — фишки для игр (?) или заготовки под пуговицы, тип I

# В. А. Тихомиров Курган с «усами» Северное-1 из крымских предгорий и евразийские аналогии

В результате анализа разновременных спутниковых снимков программы *Google Earth*, в восточной части предгорного Крыма обнаружен объект, визуально, судя по его конструктивным элементам, имеющий сходство с так называемыми курганами с «усами».

Наиболее отчётливо все детали комплекса видны на спутниковых снимках 2010, 2013–2014 гг. При выезде на место был проведен осмотр и обмеры всех видимых конструкций. Данному объекту присвоен №1 и название по ближайшему населенному пункту — с. Северное Белогорского района Республики Крым. В топографическом плане эта территория находится в восточной части предгорного Крыма на обширном плато в междуречье долин рек Кучук-Карасу и Восточный Булганак (рис.1, 1, 2).

Курганный комплекс с «усами» Северное-1 расположен в 0,9 км к юго-востоку от фермы на восточной окраине одноименного села. Объект находится на плоскогорье в недавнем времени распахиваемом, что негативно сказалось на его сохранности. Однако, благодаря распашке, на современной поверхности обнажились задернованные ранее каменные конструкции. В частности, две курганные насыпи округлой в плане формы, расположенные на расстоянии 20 м друг от друга по линии СЗ-ЮВ. Их высота около 0,5 м и диаметр около 15–20 м. На расстоянии 10–15 м от них в северо-восточном направлении отходят слегка изогнутые каменные гряды, сложенные из дикарного камня, шириной от 3 до 5 м. Длина северной гряды около 171 м, южной — около 175 м.

На их окончаниях прослеживаются площадки округлой в плане формы, также сложенные из камней, расстояние между которыми около 90 м. Две гряды в плане воспринимаются как правильные дуги, формирующие пространство между «усами» в виде овала, ориентированного длинной осью по направлению ВСВ—3ЮЗ. В 20 м к югу от центральной части южной гряды находится небольшой курган, сложенный из камней, его внешние параметры аналогичны двум уже описанным¹. Видимо, он имеет отношение к описываемому комплексу (рис. 2).

Первое краткое описание кургана «с усами», обнаруженного на территории Казахстана, относится ещё к 1927 г. (Кадырбаев, 1966, с. 305). С момента открытия памятников этого типа для обозначения гряд-«усов» применялись различные термины: «каменные полосы», «дугообразные каменные кладки», «лучи», «каменные грядки». В соответствии с разработанной М. К. Кадырбаевым типологией курганов с «усами» наиболее часто используемыми терминами, всё же являются «усы» и/или гряды (Кадырбаев, 1966, с. 309, 310).

В настоящее время известно более полутысячи курганов с «усами», которые расположены в урало-казахстанских степях, Южном Казахстане и Семиречье (Грудочко, 2019а, с. 56). Значительная часть этих памятников выявлена при анализе аэрофотоснимков и спутниковой съемки.

Ближайшие, географически, к Крыму курганы с «усами» известны в Поднепровье (Семёнов, 1988, с. 98, 99, рис. 1), а также в Калмыкии (Рыков, 1936, с. 115, 116).

Каждый комплекс кургана с «усами» имеет одну, реже две или несколько курганных насыпей (т.н. «центральный курган», «центральная насыпь», «головное сооружение»). Известны комплексы, в которых эти курганы расположены в линию, ориентированную как в широтном, так и в меридиональном направлении. Чаще всего каменная насыпь кургана имеет округлую в плане форму.

От насыпи «центрального» кургана или группы курганов, как правило, в восточном направлении, отходят две дугообразные гряды, формирующие пространство между собой в виде овала или трапеции. В плане они имеют вид длинных свисающих «усов», что

<sup>&</sup>lt;sup>1</sup> Следует учитывать, что все описываемые конструкции были повреждены плантажным плугом на глубину около 0,5 м и по этой причине такие их параметры как высота, диаметр и ширина даются усреднёнными. Нынешние их размеры не совсем соответствуют изначальным.

и дало название данному типу памятников. Материалом для них чаще всего является камень. Окончания гряд, как правило, оформлены кольцевидными выкладками, округлыми площадками или насыпями, сложенными из камня.

Примечательно, что на сооружение самих гряд, во всех известных случаях, было затрачено гораздо больше материала, чем на собственно курганные насыпи, что подчеркивает их значимость. По всей видимости, первоочередное значение для населения, сооружавшего подобные конструкции, имели именно каменные гряды, а также пространство между ними.

Интересным примером полностью исследованного кургана с «усами» является комплекс Солончанка I в Оренбургской области, состоящий из трех головных насыпей-курганов, расположенных в ряд по линии север-юг. В ходе раскопок были исследованы все три кургана, а также гряды-«усы». Под южным курганом, найден костяк лошади, а также угольно-золистое пятно, обломки обожженных костей животных и многочисленный инвентарь: бронзовый сосуд, железные наконечники стрел, остатки колчана, железные удила, костяные накладки сложносоставного лука, золотые обкладки и зооморфные украшения седла, уздечные серебряные украшения, железная пряжка (Любчанский, Таиров, 1999, с. 23-32). Ряд предметов носил следы температурного воздействия. Под центральным курганом выявлен костяк лошади. В северном кургане обнаружено скопление предметов вооружения, конской упряжи, керамический сосуд и тоже костяк лошади. Все обнаруженные лошади лежали на правом боку, ориентированные головами на запад, ногами на юг (Любчанский, Таиров, 1999, с. 8, 12, 13, рис. 5, 10, 11). Раскопки самих «усов» этого комплекса никаких материалов для уточнения датировки не дали.

Наиболее многочисленную группу инвентаря, обнаруженного при исследованиях курганов с «усами», составляют керамические горшки различных размеров. Среди находок известны предметы вооружения — ромбические трехлопастные наконечники стрел, колчанные крюки, костяные накладки сложносоставного лука, наконечники копий, кинжал и фрагменты меча. Детали конского снаряжения представлены золотыми накладками седла, серебряными хоботковидными пряжками, наконечниками ремней, железными удилами, подпружными пряжками из металла и кости. Предметы одежды и украшения редки, однако находки украшений

в полихромном стиле имеют аналогии среди памятников эпохи Великого переселения народов. В целом вещевой комплекс датируется преимущественно второй половиной IV — VI вв. н. э. (Грудочко, 2019а, с. 157–198).

Для ряда памятников была применена радиоуглеродная датировка. На сегодняшний день известно 14 дат. Полученные даты позволяют утверждать, что сооружение комплексов курганов с «усами» может быть датировано от первых десятилетий III до середины VII вв. н. э. (Боталов, 2009; Боталов, 2013; Грудочко, Епимахов, 2015; Грудочко, 2019а, с. 198–200).

Несмотря на количество выявленных объектов, вопросы датировки и этнокультурной принадлежности курганов с «усами» остаются открытыми. В 1956 г. М. П. Грязнов предложил связывать курганы с «усами» с раннескифским временем (Грязнов, 1956, с. 10). Позднее М. К. Кадырбаев отнёс центрально-азиатские курганы с «усами» к выделенной им же тасмолинской культуре скифо-сакской эпохи и датировал VII – III вв. до н. э. (Кадырбаев, 1966, с. 402). А. З. Бейсеновым курганы с «усами» также были отнесены к раннему железному веку (Бейсенов, 1997; Бейсенов, Веселовская, 2013). Эти исследователи придерживались мнения, что предметы и комплексы I тыс. н. э., обнаруженные при раскопках курганов этого типа, были впущены в более ранние, т.е. скифо-сакского времени, курганные насыпи.

Однако существует иная точка зрения на датировку и культурную принадлежность этих памятников. И. Э. Любчанский на основе обнаруженного в курганах с «усами» инвентаря делает вывод о принадлежности всех комплексов Южного Зауралья к эпохе Великого переселения народов конца IV — VIII вв. н. э. (Любчанский, 2006, с. 406). В плане этнокультурной принадлежности С. Г. Боталов связывает данные комплексы с Западным Тюркским каганатом, а И. Э. Любчанский видит связь с культурой гуннов и сарматов (Боталов, 2004). Эти исследователи акцентируют внимание на том, что курганы с «усами» часто сооружались вблизи и на территории раннекочевнических памятников I тыс. до н. э., с чем и связана ошибочная, на их взгляд, датировка этих памятников ранним временем. Особенность курганов с «усами» в том, что они могли пристраиваться, а также надстраиваться над объектами более ранних эпох, т. е. более древние насыпи включались в «ансамбль»

кургана с «усами». Этим обстоятельством и объясняется случайный, а не системный характер обнаруживаемых погребений.

И.В. Грудочко предполагает, что появление курганов с «усами» в урало-казахстанских степях связано с миграцией огурских (раннеболгарских) племен (Грудочко, 2019а, с. 213).

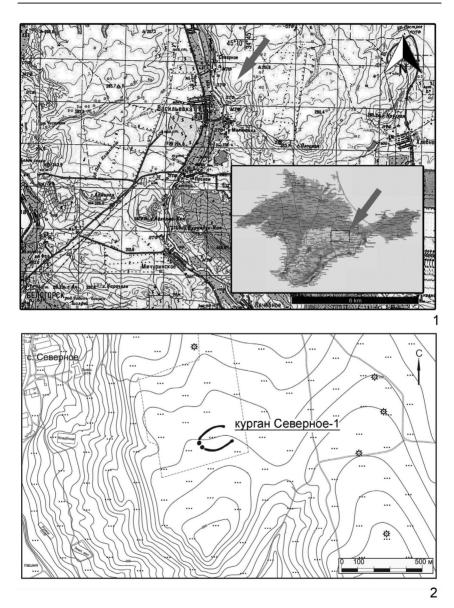
Следует упомянуть и предполагаемую семантику комплексов курганов с «усами». С. Г. Боталов отмечает, что все элементы данного сооружения определяют облик тюркского жилища — юрты, т. к. ориентация юрты строго соответствует сторонам света — со входом на востоке и «главным» местом на западе (Боталов, 2004, с. 24). Сопоставление другого порядка предложил А. Х. Маргулан, по его мнению, курганы с «усами» напоминают вид кочевого аула, имеющего в центре загон для скота. Эти комплексы являются только ритуальными сооружениями, устроенными на месте трапезы или поминок (Маргулан, 1948, с. 6). По мнению А. 3. Бейсенова, курганы с каменными грядами сооружались в ходе проведения прощально-поминальных ритуалов в честь знати, вождей, культ которых у кочевников был сходен с культом солнца (Бейсенов, 1997, с. 21). По предположению И. В. Грудочко, курганы с «усами» связаны с проведением коллективных праздников, встреч между аулами и в большинстве случаев никак не относятся к погребальной практике, за исключением нескольких комплексов (Грудочко, 2019а, c. 212).

Описанный курган с «усами» Северное-1 значительно расширяет географию известных памятников этого типа в Восточной Европе, что, в свою очередь, открывает новые возможности для соотнесения археологических памятников с историческими сведениями о народах, обитавших на юге восточно-европейских степей.

# Список литературы

- **Бейсенов** А. З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана (7–1 вв. до н. э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. 26 с.
- Бейсенов А. З., Веселовская Е. В. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Гл. ред. С. Г. Боталов, отв. ред. Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 446–461.
- Боталов С. Г. Семантика погребально-поминальных пантеонов раннетюркского периода // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции / Ред. А. Д. Таиров, И. Э. Любчанский, Т. С. Малютина, О. В. Новикова, Н. О. Иванова. Челябинск: ООО Рифей, 2004. С. 22–25.
- Боталов С. Г. Позднегуннское или раннетюркское время в заволжских и уралоказахстанских степях // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред.: А. Д. Таиров, Н. О. Иванова. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. С. 128–138.
- Боталов С. Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Гл. ред. С. Г. Боталов, отв. ред. Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 32–87.
- *Грудочко И. В.* Курганы с «усами» как ритуальные комплексы кочевников урало-казахстанских степей IV–VII вв. н. э. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск. 2019а. 395 с.
- Грудочко И. В. Радиоуглеродная хронология курганов с «усами» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2019б. Т. 19. № 3. С. 21–27.
- Грудочко И. В., Епимахов А. В. Хронология курганов с «усами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок // Казахское ханство в потоке истории. Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства / Гл. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. С. 534–541.
- *Грязнов М. П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8–16.

- Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.
- *Любчанский И. Э.* Курганы с усами: типология и хронология // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ООО ЦИКР Рифей, 2006. С. 386–408.
- Любчанский И. Э., Таиров А. Д. Археологическое исследование комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I / Ред. А. Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. университет, 1999. С. 5–62.
- Маргулан А. Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.)
  // Вестник АН КазССР, серия историческая. 1948. Вып. 4. № 49. С. 3–31.
- Рыков П. С. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. // СА. 1936. №1. С. 115–157.
- Семёнов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 97–111.



**Рис. 1.** Место расположения кургана с «усами» у с. Северное в Предгорном Крыму: — место расположения кургана с «усами» Северное-1 на карте Крыма; 2 — топографическая схема расположения кургана с «усами» Северное-1

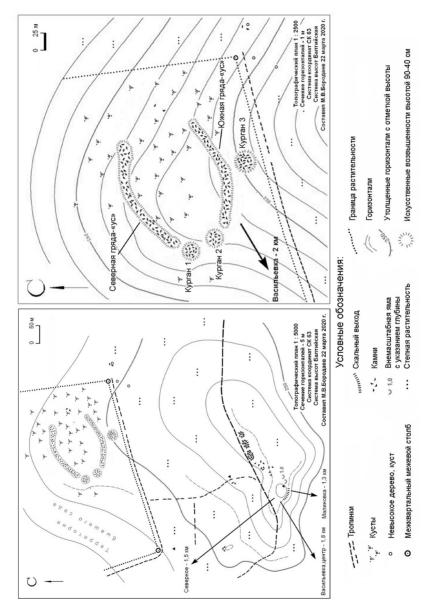


Рис. 2. Топографический план кургана с «усами» Северное-1

# Т. А. Чарусов **Лепной канфар из могильника Дорт-Лемэ**

Могильник Дорт-Лемэ расположен в 1 км к югу от села Межгорье Зеленогорского сельского поселения Белогорского района Республики Крым. При проведении археологических разведок осенью 2018 г. здесь были открыты два каменных склепа, каменные ящики и каменные насыпи, подвергшиеся разграблению в недавнее время. Один из объектов — каменный склеп с коллективными погребениями — был исследован полностью. Многочисленный погребальный инвентарь указывает на широкие рамки использования склепа — с IV в. до н. э. по первые века н. э., а обряд и конструкция сооружения — на принадлежность к позднескифской археологической культуре (Шабанов, 2019, с. 335).

В заполнении грабительского шурфа над камерой склепа, помимо человеческих костей, бус, металлических вещей и пр., были обнаружены многочисленные фрагменты лепных и гончарных сосудов разных форм. Среди них стоит выделить необычную находку — лепной канфар (рис. 1, 1), являвшийся варварским подражанием греческим гончарным сосудам . Лепной сосуд (высота — 8,7 см; d венчика — 10,4 см; max d тулова — 11,3 см) имеет полусферическое тулово с перегибом (ребром), от которого к венчику сосуд приобретает трапециевидную форму. Две ручки, расположенные с противоположных сторон сосуда, имеют небольшие направленные вверх выступы. Ножка (высота — 0,9 см) с коротким толстым стеблем расположена на кольцевом поддоне (d — 4,2 см). Поверхность сосуда лощеная.

<sup>&</sup>lt;sup>1</sup> Выражаю благодарность С. Б. Шабанову за возможность работы с неопубликованными материалами из раскопок могильника.

Т. А. Чарусов 81

Канфар из Дорт-Лемэ по профилю тулова и ножки, устройству ручек близок классическим чернолаковым канфарам (рис. 1, 2) последней четверти IV в. до н. э. (Rotroff, 1997, р. 14, f. 4, 1), но отличается в общих пропорциях. Гончарные канфары хорошо известны как в Северном Причерноморье в целом, так и в Крыму в частности. Здесь они встречаются в античных и варварских памятниках.

Лепные канфары на полуострове являются редкой находкой. Здесь их известно всего три. Два сосуда (рис. 1, 3–4) происходят из слоев Южно-Донузлавского городища I в. до н. э. – I в. н. э. (Дашевская, 1964, с. 50–56; Дашевская, 1967, рис. 21, 6; Дашевская, 1991, с. 18, табл. 20, 9, 10; Власов, 2005, с. 83, рис. 3, 5, 9). Один из них (рис. 1, 3) морфологически близок канфару из Дорт-Лемэ. Он имеет направленные вверх ручки с выступами, тулово со слабо выраженным перегибом, лощеную поверхность, но отличается уплощенной ножкой без кольцевого поддона.

Третий экземпляр (рис. 1, 5) найден в слое второй половины III — начала IV вв. н. э. городища Белинское на Керченском полуострове. У сосуда отогнутые под углом края венчика, цилиндро-полусферическое тулово с перегибом в нижней части, лощеная поверхность. Ручки канфара направлены под углом вверх и имеют на концах выступы как у сосуда из Дорт-Лемэ (Котин, 2011, с. 191, рис. 2, 11). За пределами Крыма находки лепных сосудов, которые можно назвать «канфаровидными» и имеющих некоторые морфологические отличия от крымских экземпляров, известны в Херсонской области Украины. Н. А. Гаврилюк датировала их IV в. до н. э. (Гаврилюк, 1989, с. 61, рис. 5, 8).

К сожалению, точно датировать лепной канфар из Дорт-Лемэ не представляется возможным из-за обнаружения его не *in situ* в заполнении грабительского шурфа. Тем не менее, с учетом аналогий из Южно-Донузлавского городища и того, что большая часть находок из каменного склепа 2018 г. датируется І в. до н. э. – І в. н. э., канфар из Дорт-Лемэ можно отнести к рубежу эр и продукции местных варварских ремесленников<sup>2</sup>.

<sup>&</sup>lt;sup>2</sup> Неоднократно высказывались предположения о возможности изготовления в Северном Причерноморье лепной керамики, в том числе и подражаний античной гончарной продукции, греческими поселенцами (Гаврилюк, Тимченко, 2014, с. 29), но этот вопрос пока остается дискуссионным (Власов, 2019, с. 125–131).

# Список литературы

- Власов В. П. Античные влияния в позднескифской лепной керамике Крыма // БИ. VIII. 2005. С. 75–94.
- Власов В. П. О «греческой» лепной керамике из античных центров Северного Причерноморья // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь Керчь, 2019. С. 125–131.
- **Гаврилюк Н. А.** Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова Думка, 1989. 112 с.
- Гаврилюк Н. А., Соколова О. Ю. Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге Украины и России. Скифия. Ольвия. Боспор / Отв. ред. Н. А. Гаврилюк, А. А. Масленников. Запорожье: Дикое поле, 2007. С. 258–343.
- Гаврилюк Н. А., Тимченко Н. П. Феномен лепной керамики античных центров Северного Причерноморья // Таврические студии. Исторические науки. 2014. № 6. С. 24–31.
- Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961–1962 гг. // КСОГАМ / Отв. ред. М. С. Синицын. Одесса: Маяк, 1964. С. 50–56.
- Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 65–72.
- **Дашевская О. Д.** Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д 1–7).
- Котин М. А. Имитации античной посуды в лепной керамике // XII Боспорские чтения. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь Керчь, 2011. С. 188–195.
- **Шабанов С. Б.** Археологические исследования в Белогорском районе Республики Крым в 2018 г. // ИАК. 2019. Вып. XI.C. 333–336.
- Rotroff S. I. Hellenistic Potteri Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Volume XXIX. Part 1, 2. Princeton, New Jersey, 1997. 575 p.

Т. А. Чарусов 83



**Рис. 1.** Канфары. 1 — лепной канфар из Дорт-Лемэ; 2 — канфар чернолаковый (по: Rotroff, 1997, р. f. 4, 1); 3, 4 — канфары лепные Южно-Донузлавского городища (по: Дашевская, 1991, табл. 20, 9–10); 5 — канфар лепной из Белинского городища (по: Котин, 2011, рис. 2, 11)

# Н. Н. Чемодуров Тавро-скифская экспедиция и ее роль в изучении позднескифской культуры

Некоторые аспекты истории археологического изучения позднескифской культуры освещены не в полной мере. К их числу следует отнести деятельность Тавро-скифской экспедиции, работы которой составили яркую страницу в летописи крымской археологии, и частично затронуты в современных публикациях (Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 50; Манаев, 2015, с. 131; Юрочкин, Майко, 2017, с. 157). Тем не менее, в научной литературе не существует отдельного исследования, раскрывающего историю этого научного предприятия. Результативность экспедиции общепризнана, однако её роль в изучении культуры поздних скифов не конкретизирована. Поэтому в настоящем исследовании предпринята попытка восполнить имеющиеся в историографии пробелы.

Для реконструкции деятельности Тавро-скифской экспедиции проанализированы наиболее существенные, на наш взгляд, составляющие ее истории: организационная среда (влияние научно-исследовательских, государственных, партийных, общественных учреждений; теоретических и идеологических установок; убеждений, интересов и амбиций отдельных ученых), практические археологические мероприятия, генезис и эволюция научных представлений об объектах исследований.

Систематизация многогранной деятельности Тавро-скифской экспедиции потребовала разработки периодизации. В связи с этим, выделены четыре этапа: 1945—1947 гг. — первые годы исследо-

ваний, связанные со становлением основных теоретических концепций, развитие которых продолжалось в последующие годы; 1948—1950 гг. — работы экспедиции в условиях подчинения Крымскому филиалу АН СССР; 1951—1955 гг. — перерыв в истории экспедиции; 1956—1960 гг. — возобновление активной деятельности в составе системы Института археологии АН УССР.

Образование Тавро-скифской экспедиции связано с личностью выдающегося ученого — П. Н. Шульца. Во время руководства Евпаторийской экспедиции ГАИМК 1933—1934 гг. происходило становление его научного интереса к истории крымских скифов. Преемственность двух экспедиций подтверждается документально в Плане работ Тавро-скифской экспедиции на 1945 г. (План..., л.2).

Наиболее раннее упоминание о Тавро-скифской экспедиции обнаружено в обосновании от 23 октября 1944 г., в котором главной задачей отмечено «исследование и собирание памятников культуры и наследия скифов и тавров в Крыму и пополнение Причерноморских коллекций античных отделов ГМИИ им. А. С. Пушкина» (Обоснование..., л.1). Решающее значение в создании экспедиции, по-видимому, имела докладная записка, составленная П. Н. Шульцем на имя заведующего отделом археологических экспедиций и раскопок ГМИИ им. А. С. Пушкина В. Д. Блаватского (Докладная..., л.1). Согласно документу, цель состояла «в освещении вопроса о перенесении центра скифской державы в Крым и об образовании в Крыму тавро-скифского государства Скилура и Палака» (Докладная..., л. 2). Наконец, после прибытия экспедиции в Крым, её руководитель, П. Н. Шульц, выделил в качестве принципиальной задачу «исследования вопросов о возникновении и развитии в Крыму скифского государства и взаимосвязях культуры поздних скифов с культурой тавров с одной стороны, и греков с другой» (Дневник..., 1945, л. 10). Таким образом, изначально преимущественное внимание отводилось изучению проблем позднескифской культуры.

Подготовка экспедиционных работ началась в марте 1945 г. Бюджет и научный состав сформировали ГМИИ им. А. С. Пушкина и ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР (Шульц, 1951, с. 151). Деятельное участие в организации экспедиции принял Центральный музей Крыма. Сотрудничество с учреждением продолжалось и в последующие годы: так, в 1948 г. музей выделил на раскопки Неаполя Скифского 25 тыс. руб. (Письмо..., 1950). Проблемы нехватки ра-

бочей силы и недостаточности материальной базы разрешились при поддержке Обкома ВКП(б) в лице его секретаря В. А. Чурсина (Дневник..., 1945, л. 26). Пополнение штата происходило также благодаря действиям руководства экспедиции по привлечению внимания общественности к исследованиям. В качестве добровольцев на раскопках трудились студентка Крымского педагогического института Т. Н. Троицкая и местный краевед, капитан запаса Ф. Г. Вольный (Дневник..., 1946, л. 8).

Особенностью первого этапа проведения Тавро-скифской экспедиции являлась относительная самостоятельность ее руководства в постановке исследовательских задач. Широкомасштабные разведки в Курцово-Сабловской и Альминской долинах, долине р. Салгир, в Белогорском районе были призваны проверить предположения П. Н. Шульца о признаках государственности у крымских скифов: системности в расположении скифских городищ, наличии сети древних дорог, границы ареалов скифской и таврской культур (План..., л. 2). Попытка доказать существование Крымской Скифии — государства «наиболее передового для своего времени народа Восточной и Центральной Европы» (Шульц, 1946, с.98), очевидно, предпринималась с целью обосновать значимость изучения памятников поздних скифов. В результате, экспедицией были проведены раскопки городищ Неаполь Скифский (и его некрополей), Кермен-Кыр, Залесье, Таш-Джарган, обследованию подверглись городища Саблы, Змеиное, Тахта-Джами, Доброе, Аргинское, Балта-Чокрак, поселения на г. Красной и г. Долгий Бугор. Выдающиеся открытия связаны с находками мавзолея Неаполя Скифского и орнаментированных склепов некрополя городища, получивших всемирную известность.

В 1948 г. Тавро-скифская экспедиция была подчинена КНИБ (с 1949 г. – КФ) АН СССР, а ее проведение поручено Сектору истории и археологии. Главная задача деятельности сектора состояла в «изучении истории Крыма как неотъемлемого звена истории СССР» (Постановления..., 1948, л. 2). Руководство Крымского филиала настаивало на приоритетности изучения проблем «Советского Крыма» и «Истории города Севастополя» (Переписка..., 1949, л. 57). Финансирование археологических исследований сокращалось. Так, в 1949 г. на научно-исследовательские работы сектора выделены 40 тыс. руб., в то время как затраты на раскопки только Тавро-скифской экспедиции составили 60 тыс. руб.

(Докладные...,1949, л. 7).

Тем не менее, поддержка центральных и местных научноисследовательских учреждений позволила организовать работы, беспрецедентные по своему масштабу: Тавро-скифская экспедиция включала 10 отрядов (Шульц, 1949, л. 5). В изучении позднескифской культуры этот период ознаменовался началом широких исследований в Северо-Западном Крыму, продолжением раскопок Неаполя Скифского, открытием его грунтового некрополя, обследованием поселений у дд. Брусилово, Подгорное, Дальние Камышлы (Шульц, 1949, л. 23).

В конце 1940-х гг. существенное значение в крымской археологии приобрел «славянский вопрос» (Юрочкин, 2013, с. 392). Его актуализация совпала с поиском археологами обоснования для продолжения собственных исследований. Уже в 1945-1947 гг. в публикациях П. Н. Шульца отмечались общие черты некоторых элементов позднескифской и раннеславянской культур (Шульц, 1947, с. 292). Публичное признание П. Н. Шульцем «скифо-славянской преемственности» на сессиях и заседаниях Ученого совета КФ АН СССР (Стенограмма..., 1948, л. 44), способствовало продолжению и углублению археологического изучения полуострова, задачей которого объявлялось обнаружение свидетельств «исконности русского Крыма» (Стенограмма, 1948, л. 80). Вместе с тем, результаты исследований ученый предпочитал не публиковать. В целом, в 1948-1950 гг. наблюдается снижение публикационной активности сотрудников экспедиции. Причиной могло быть внутреннее неприятие концепции скифо-славянского родства.

В 1951 г., в связи с началом археологических работ вдоль трассы Северо-Крымского канала, в истории Тавро-скифской экспедиции наступает перерыв. Тем не менее, в это время продолжились исследования городища Кермен-Кыр (Дашевская, 1951, л. 3). В 1954 г. Е. В. Веймарном открыто и обследовано городище Заветное (Шульц, 1954, л. 4). В том же году, в зону застройки треста «Водоканал» попали объекты Неаполя Скифского, в результате чего раскопки городища возобновились (Шульц, 1955, л. 5). В 1956 г. Отдел истории и археологии КФ АН СССР переведен в подчинение Институту археологии АН УССР. В 1957 г. П. Н. Шульцу удается возродить Тавро-скифскую экспедицию. Очевидно, ученый стремился придать археологическому предприятию масштабы 1940-х гг. Помимо раскопок на Неаполе Скифском, организованы работы по

выявлению позднескифских древностей в Предгорном и Северо-Западном Крыму (Шульц, 1957, л. 1). Сохранившаяся программа раскопок Неаполя Скифского на 1958—1968 гг. свидетельствует о том, что завершение Тавро-скифской экспедиции в 1960 г. не было запланировано (Программа, 1957, л. 1).

Значение Тавро-скифской экспедиции в истории изучения позднескифской культуры является немаловажным. Результаты ее деятельности определили направления исследований на Неаполе Скифском, Усть-Альминском и Заветнинском городищах, памятниках Северо-Западного Крыма. За десять лет работ сотрудниками экспедиции выявлены и обследованы 20 из 46 известных в наши дни позднескифских городищ<sup>1</sup>. Раскопки многих из них стали единственными в истории. Теоретические разработки сотрудников экспедиции уточнили периодизацию позднескифской культуры в рамках III в. до н. э. – IV в. н. э., определили её непременные атрибуты (неорнаментированная лепная керамика, архитектурная традиция, погребальный обряд), выясняли вопросы эллинистического и сарматского влияния (Шульц, Головкина, 1951, с. 160). Наконец, Тавро-скифская экспедиция стала научной школой для многих ученых: Т. Н. Троицкой, Э. И. Соломоник, О. И. Домбровского, Е. В. Черненко, А. А. Щепинского, Е. Н. Черепановой, О. Д. Дашевской, Э. А. Сымоновича, О. А. Махневой, Х. И. Крис, — с именами которых связаны выдающиеся открытия в изучении археологических культур раннего железного века, в частности, позднескифской.

<sup>1</sup> Количество памятников приведено по состоянию на 2015 г. (Смекалова и др., 2015).

## Список литературы

- Дашевская О. Д. Отчет о разведках и раскопках в Симферопольском районе в 1951 г. Институт археологии Крыма РАН. Научный архив (ИАК РАН НА). Ф. 1. Тавро-скифская экспедиция. Оп 2. 1951 г. Д. 8. 48 л.
- Дневник Тавро-скифской экспедиции за 1945 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1945 г. Д. 1. 87 л.
- Дневник Тавро-скифской экспедиции за 1946 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1946 г. Д. 2. 44 л.
- Докладная записка П. Н. Шульца В. Д. Блаватскому. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. 4 л.
- Докладные записки в СФ АН СССР, Крымский Обком ВКП(б) по научно-организационным и научно-исследовательским вопросам. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р–3383. Оп. 1. 1949 г. Д. 12. 179 л.
- *Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю.* От Скифии к Готии. Симферополь: «СОНАТ», 2004. 240 с.
- Манаев А. Ю. Историческая наука в СССР в послевоенные годы и возобновление археологических исследований в Крыму // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 131–149.
- Обоснование Тавро-скифской экспедиции. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. 3 л.
- Переписка с Советом филиалов АН и Президиумом АН. ГАРК. Ф. Р–3383. Оп. 1. 1949 г. Д. 36. 253 л.
- Письмо Областного отдела Культпросветработы. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7. 1 л.
- План работ Тавро-скифской экспедиции на 1945 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. 3 л.
- Постановления и распоряжения ПАН СССР за 1948 г. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. 1948 г. Д. 2. 198 л.
- Программа исследований Неаполя Скифского на 1958–1968 гг. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1957 г. Д. 23. 3 л.
- Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб: «Алетейя», 2015. 248 с.
- Стенограмма расширенного заседания Ученого совета КНИБ 17–18 09. 1948. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. 1948 г. Д. 6. 282 л.
- Стенограмма расширенного заседания Ученого совета КНИБ 22.08. 1949. ГАРК. Ф. Р–3383. Оп. 1. 1949 г. Д. 33. 212 л.

- *Шульц П. Н.* Отчет о раскопках Тавро-скифской экспедиции в 1945 1949 гг. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1949 г. Д. 6. Т. 3–5. 122 л.
- *Шульц П. Н.* Отчет о работах Отдела истории и археологии в 1954 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1954 г. Д. 16. 58 л.
- *Шульц П. Н.* Отчет об охранных археологических раскопках на Неаполе Скифском в 1954–1955 гг. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1955 г. Д. 17. 89 л.
- *Шульц П. Н.* Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1957 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1957 г. Д. 22. 94 л.
- *Шульц П. Н.* Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. 1946. № 2. С. 97–116.
- *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция // Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии. 1947. Т.4. Вып. 3. С. 275–293.
- *Шульц П. Н., Головкина В. А.* Неаполь Скифский // По следам древних культур / Ред. Г. Б. Федоров. М: Госкультпросветиздат, 1951. С.143–168.
- *Юрочкин В. Ю.* «Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков: Майдан, 2013. С. 392–412.
- Юрочкин В. Ю., Майко В. В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев: коллективная монография / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор–История, 2017. С. 157–231.

#### С. Б. Шабанов

# Стеклянная чаша позднеримского времени с «зубцами» из могильника «Совхоз №10» (Юго-Западный Крым)

Многолетние исследования варварских памятников римского времени, расположенных в крымских предгорьях, дали массивный и разнообразный археологический материал. Значительную часть его составляют импортные предметы, в частности стеклянная посуда. Она находит аналогии как в северо-причерноморском регионе, так и в других уголках античного мира и его периферии. Известны находки сосудов редких, выделяющихся своей формой, орнаментацией и техникой изготовления. Такие сосуды становятся украшением международных выставок и неоднократно появляются на страницах богато иллюстрированных альбомов и каталогов. Однако не все они становятся объектом специального научного исследования. К ним можно отнести необычную стеклянную чашу из могильника «Совхоз №10 (Севастопольский)» (далее — «Совхоз №10»).

Могильник расположен в Юго-Западном Крыму, на правом берегу реки Черная, на землях бывшего совхоза № 10 у подножия горы Сахарная Головка. Он был случайно открыт при строительных работах в 1954 г. и исследовался до 1969 года экспедицией Херсонесского музея под руководством С. Ф. Стржелецкого, Ю. А. Бабинова, С. Г. Рыжова. Здесь, на площади около 5 га, были исследованы захоронения в грунтовых и подбойных могилах, склепах и каменных ящиках с помещенными в них урнами с кремациями, курган и кенотаф (Стржелецкий, 1959, с. 139; Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 27–31). Разнообразие погребальных сооружений и инвентаря,

биритуальный погребальный обряд и продолжительность использования (I – V вв. н. э.) выделяет могильник «Совхоз №10» среди крымских памятников римского времени. Результаты его исследования неоднократно использовались в реконструкциях этнических процессов, происходивших в Крыму в первые века нашей эры.

В 1962 г. в могиле с двумя подбоями № 77 (камера «Б») была найдена стеклянная чаша (рис. 1, 1) (высота — 5.5 см, d венчика — 17.5 см, d дна — 6 см, d поддона — 7 см) из тонкого прозрачного с оливковым оттенком стекла с полусферической формой тулова, слегка расширяющимися в верхней части стенками. Край сосуда загнут внутрь, а образовавшийся венчик оплавлен, горизонтально отогнут и имеет множество выступов — «зубцов». Дно у чаши плоское и находится на высоком кольцевом поддоне, вытянутом из стенки сосуда. Тулово в верхней части опоясывает стеклянная нить из того же стекла, что и сам сосуд¹.

Стеклянные чаши с полусферическим туловом и горизонтально отогнутым краем на кольцевом поддоне в большом количестве находят как на территории Римской империи, так и за ее пределами. Отличаются они между собой размерами, устройством поддона и приемами орнаментации. Изготавливая сосуд, мастера-стеклодувы пытались придать ему какие-то индивидуальные черты. Например, украшали наплавленными нитями тулово чаши или накладывали волнистые линии на венчик, часто имитируя изогнутые ручки. Такие приемы характеры для сосудов I – III вв. н. э. (Isings, 1957, form 43, р. 59). Чаши в IV – V вв. стали украшать стеклянным валиком по краю с многочисленными немного выступающими «зубцами»<sup>2</sup>. В это же время появляются чаши, у которых выступы при горячей обработке вытягиваются из края сосуда, а не накладываются отдельно. К таким изделиям и относится рассматриваемый сосуд из могильника «Совхоз №10». Стоит заметить, что эта чаша, наряду с другими произведениями античных мастеров, неоднократно публиковалась в научных и научно-популярных изданиях (Античне, 1977, кат. 118; Романчук, 2008, рис. 94; Kostromichyov, 2014, р. 125),

<sup>&</sup>lt;sup>1</sup> Сосуд хранится в фондах Государственного историко-археологического музеязаповедника Херсонес Таврический (Инв. № 804/36572). Пользуясь возможностью, автор выражает благодарность сотруднику музея-заповедника Л. А. Рыжовой за помощь в работе с коллекцией античного стекла из некрополя «Совхоз №10».

<sup>&</sup>lt;sup>2</sup> Такие чаши пока редко встречаются в Северном Причерноморье. В крымских предгорьях они найдены в могильнике «Совхоз №10» (Шабанов 2019, рис. 1, 11) и Лучистое (Айбабин, Хайрединова, 1998, рис. 13).

С. Б. Шабанов 93

но не становилась объектом специального изучения. Авторы публикации результатов исследования могильника «Совхоз №10» отметили, что аналогии стеклянному сосуду им неизвестны, но «подобная серебряная чаша найдена в погребении IV в. в Ростовской области» (Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 119). Металлический сосуд из богатого погребения у с. Павловка Красносулинского р-на (Кропоткин, 1970, с. 86, №733, рис. 55, 2), на который сослались исследователи, лишь в общих чертах напоминает крымскую чашу и никак не может служить даже отдаленной аналогией.

Тем не менее, несколько стилистически близких находок IV – начала V вв. н. э. (рис. 1, 2–5) удалось обнаружить среди материалов раскопок античных памятников на северо-востоке Испании (Cruz, 2007, cat. 39, fig. 4, 39), средиземноморском побережье Франции (Foy, 1995, pl. 11.101–105), в Северной Африке (Tatton-Brown, 1984, fig. 65, 10) и Греции (Antonaras, 2010, fig. 4).

Стеклянную чашу с «зубцами» из Юго-Западного Крыма исследователи обычно относят к III — IV вв. н. э. Предложенную датировку можно скорректировать. Вместе с ней были найдены краснолаковое блюдо на кольцевом поддоне и горизонтально отогнутым краем IV — V вв. н. э. (Нессель, 2003, с. 109, 110, рис. 3, 6–10; Иванова, 2009, с. 34, 35, кат. 25, 26) и стеклянный кувшин IV в. н. э. (Шабанов, 2011, с. 154, рис. 7, 48). Если учесть и датировку средиземноморских аналогий стеклянной чаше, то погребение в камере «Б» могилы №77 было совершено не ранее IV в.н.э., а скорее всего, во второй половине этого столетия.

В могильнике «Совхоз №10» найдено большое количество стеклянной посуды I — начала V вв. н. э., значительная часть которой имеет сиро-палестинское, малоазийское и средиземноморское происхождение. В Юго-Западный Крым она поступала, видимо, через Херсонес, с которым у местного населения сложились тесные экономические связи в первые века нашей эры (Журавлев и др., 2004, с. 193, 194). Производить стеклянные чаши с выступами-«зубцами» могли в западно-средиземноморских провинциях Римской империи, а в Крым один экземпляр, видимо, попал через торговые центры, расположенные на территории Греции. На это может указывать находка подобного сосуда в Фессалониках (рис. 1, 6).

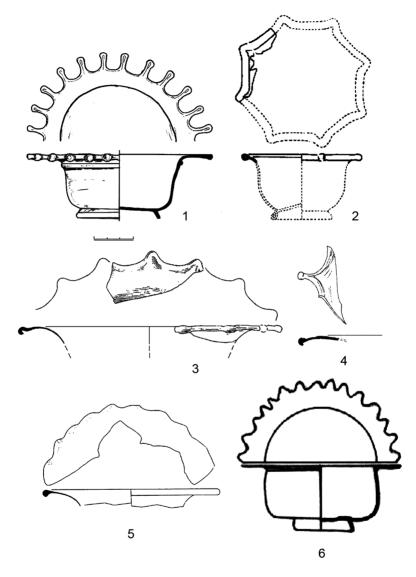
## Список литературы

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 274–311.
- Античне мистецтво. Альбом / Сост. Ф. М. Штительман. Київ: Мистецтво, 1977. 180 с.
- Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О торговле Херсонеса Таврического в середине I первой половине III вв. н. э. // БИ. 2004. Вып. VII. С. 183–207.
- **Иванова О. С.** Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-Дере (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 26–88.
- *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. V в. н. э.). М.: Наука, 1970. 280 с.
- *Нессель В. А.* Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Хсб. 2003. Вып. XII. С. 107–123.
- Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: монография в 2 т. Т. 1: Античный полис. Тюмень: Издательство Тюменского гос. ун-та, 2008. 807 с.
- Стржелецкий С. Ф. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // КСИА АН УССР. 1959. Вып.8. С. 139–145.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тыс. новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2003–2004. №4. С. 27–277.
- *Шабанов С. Б.* Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 141–191.
- Шабанов С. Б. Стеклянные сосуды из могильника «Совхоз №10 (Севастопольский)»: основные итоги и перспективы исследования // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции / Ред. сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь Керчь: Б.и., 2019. С. 604–606.
- Antonoras A. Glassware in Late Antique Thessalonikē (Third to Seventh Centuries c. e.) // From Roman to Early Christian Thessalonikē: studies in religion and archaeology / Ed. L. Nasrallah, C. Bakirtzis, S. J. Friesen. Cambridge: Harvard University Press, 2010. P. 299–325.

С. Б. Шабанов 95

Cruz M. Vidros do Castro de Viladonga (Lugo). Um caso exemplar // CROA: boletin da Associacion de Amigos do Museo do Castro de Viladonga. 2007. №17. P. 14–25.

- Foy D. Le Verre de la Fin du IV au VIII Siecle en France mediterraneenne // Le Verre de l'Antiquite Tardive et du Haut Moyen Age, typologie, chronologie et diffusion (VIII Rencontre AFAV, novembre 1993) / Ed. D. Foy. Guiry-en-Vexin, 1995. P. 187–242.
- Isings C. Roman Glass from Dating Finds. Groningen Djakarte: J. B. Wolters, 1957. 185 p.
- Kostromichyov D. Sovkhoz-10 // Roman Art and Civilization a Common Language in Antiquity: Catalog of the itinerant exhibition / Ed. M. lacob. Tulcea: Tulcea County Council, 2014. P. 123–125.
- Tatton-Brown V. A. The Glass // Excavations at Carthage: The British Mision: The Salambo Site. Vol. I, 1 / Ed. H. R. Hurst, S. P. Roskams. Sheffield: University of Sheffield Department of Prehistory and Archaeology for the British Academy, 1984. P. 194–212.



**Рис. 1.** Стеклянные сосуды. 1 — «Совхоз №10 (Севастопольский)», Крым; 2 — *Castro de Viladonga*, Испания (по: Cruz, 2007, fig. 4, 39); 3 — Карфаген, Тунис (по: Tatton-Brown, 1984, fig. 65, *10*); 4 — Марсель, Франция (по: Foy, 1995, pl. 11.*101*); 5 — *Saint-Blaise*, Франция (по: Foy, 1995, pl. 11.*102–105*); 6 — Фессалоники, Греция (по: Antonaras, 2010, fig. 4)

# И. И. Шкрибляк Исследования кургана Туак-Оба в предгорном Крыму

В 2016 г. экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский» под руководством Ю. П. Зайцева произведено разведочное обследование пятиметрового кургана Туак — Оба к западу от с. Мироновка Белогорского района Республики Крым. Информация о памятнике была получена от жителя г. Белогорск, обнаружившего в его вершине грабительскую яму с ходом в монументальное каменное погребальное сооружение. Обследования 2016 г. полностью подтвердили эти данные. Принимая во внимание исключительность и выразительность подкурганного погребального комплекса, руководствуясь необходимостью его сохранения и научного изучения, экспедицией было принято решение запланировать на ближайшее время полное археологическое исследование курганной насыпи.

Первый этап археологических раскопок памятника реализован в 2018 г. До начала работ на территории памятника выполнена подробная топографическая съемка, курган разбит на четыре сектора с крестообразной центральной стратиграфической бровкой шириной 1 м. Выборка насыпи велась последовательно в границах каждого сектора с подробной фиксацией стратиграфических разрезов в бортах секторов. Под слоем дерна открыта кольцевая каменная крепида общим диаметром 50 м с шириной наброски 10 м, сложенная из разнокалиберного известнякового бута вперемешку с черноземом. Крепида состояла из крупных известняковых блоков, уложенными плашмя в 2 – 3 ряда. Рядом с дромосом в кольцевом

оформлении крепиды встречены несколько крупных известняковых камней, установленных в вертикальной позиции. Каменная крепида окружала монументальный каменный склеп греческого типа с длинным коридором-дромосом, подведенным к нему с востока. Грабительская яма, открытая в 2016 г., была пробита с вершины кургана в торец дромоса, примыкавший ко входу в центральное погребальное сооружение.

Погребальная конструкция, обнаруженная в центре кургана, представляет собой прямоугольный в плане склеп, сооруженный из тесанных известняковых блоков, уложенных насухо. Свод склепа уступчатый на все четыре стороны, оформлен путем укладки прямоугольных тесанных блоков друг на друга с небольшим напуском в каждом последующем ряде. Всего рядов в своде 6, замыкали их три поперечные известняковые плиты потолка, уложенные на последний ряд свода. Вход в камеру склепа оформлен двумя торцовыми известняковыми плитами, установленными вертикально на уложенную плашмя плиту порога. Вход надвое разделяла известняковая колонна дорического ордера, установленная с каменной подкладкой на плиту порога. У дальней, противоположной входу стенки было обнаружено деформированное каменное ложе, в центре — профилированное основание каменного алтаря. Камера оказалась полностью ограбленной, в глиняном полу были найдены несколько втоптанных золотых бляшек, наконечников стрел, стеклянная бусина и фрагменты лепной курильницы.

Ко входу в гробницу вел двухчастный дромос. Примыкавшая непосредственно к склепу часть дромоса была сооружена в схожей с ним манере — из обработанных известняковых блоков, уложенных с небольшим отрицательным углом. Основной же входной коридор был сложен из необработанного известнякового бута на грязевом растворе в несколько этапов. Перекрытие дромоса представляло собой скорее всего бревенчатый накат: следы древесного тлена обнаружены при на верхних камнях стенок из тесанных блоков.

При зачистке пола дромоса обнаружены четыре захоронения лошадей с серебряной и железной сбруей, среди утерянного здесь грабителями погребального инвентаря у входа в склеп — несколько золотых бляшек, бронзовых трехлопастных наконечников стрел, стеклянные полихромные бусы с серебряной подвеской.

Над плитами перекрытия склепа обнаружено небольшое четырехугольное помещение со сложенными из известнякового бута стенками. Помещение было перекрыто бревенчатым накатом и содержало предметы поминальной тризны: железную жаровню с набором утвари для жарки мяса, более 30 наконечников и втоков железных копий и дротиков. В угол помещения были установлены синопская и книдская амфоры.

По совокупности предварительных данных сооружение склепа и насыпи над ним можно отнести к концу IV в. до н. э. и связать его возникновение с основанием в непосредственной близости крупной царской ставки — крепости Ак-Кая/Вишенное.

Для подробной фиксации всех архитектурных элементов памятника в процессе археологических исследований экспедицией использовался трехмерный лазерный сканер *LEICABLK360*. В результате объединения всех файлов сканирования была получена единая трехмерная модель кургана, в том числе содержащая удаленные в процессе работ его элементы. По компьютерной модели можно производить любые необходимые геометрические промеры, высчитывать объемы, строить чертежи и планы. Используемое цифровое оборудование позволило значительно упростить и ускорить процесс археологической фиксации, вывести его на новый уровень детализации и надежности.

Проект по полному археологическому доследованию кургана Туак-Оба был поддержан в 2020 г. Российским фондом фундаментальных исследований. Изучение курганного пространства под каменной наброской, выявление вероятного тризнового комплекса в полах насыпи позволят окончательно определить хронологическую позицию памятника и выяснить его роль в системе сложных греко-варварских отношений древней Таврики в античную эпоху.

## С. Т. Эшрепов

# Города и поселения юго-восточного Крыма во второй половине XIII – начале XV вв. (краткий обзор археологического изучения)

С момента присоединения Крыма к Российской империи начался этап активного исследования данного края. Для научных экспедиций было приоритетом изучение христианских святынь в горной части Крыма. В 1796 г. в Крым переезжает П. С. Паллас, который обследовал практически весь Южный берег Крыма и оставил краткое описание некоторых археологических памятников полуострова. В 1867 г. художник и археолог-любитель Д. М. Струков описал поездку в Крым, зафиксировал большое число христианских памятников, которых ныне не существует.

Стоит отметить что в первой половине XIX в. археологическое изучение полуострова велось довольно отрывочно и бессистемно. Для данного этапа характерны отдельные раскопки по исследованию памятников, накопление археологического материала, без необходимой систематизации и публикации. В 1859 г. создается Императорская Археологическая комиссия для стандартизации проведения археологических работ. М. И. Ростовцев писал, что присланные археологи «требования научного расследования не добивались, копали, чтоб найти вещи, по возможности золотые, в ущерб антуражу», т. е. археологическому контексту, пренебрегая рядовыми находками (Зинько, 2013, с. 252).

С 1887 г. начинает работу Таврическая Ученая Архивная Комиссия. Ее руководитель А. И. Маркевич составил описание некоторых

С. Т. Эшрепов 101

археологических памятников Солхата (Маркевич, 1802, с. 124; Маркевич, 1888, с. 64).

Археологические работы в Феодосии в 1851 — 1856 гг. ознаменовались исследованием античного курганного некрополя. В июле 1852 г. проводились раскопки Е. Ф. де Вильнёва на Карантинной горке, он выявил следы стены с башнями и другими многочисленными укреплениями. Вскоре он провел раскопки, ставшие первыми раскопками средневекового городища Каффы (Тункина, 2011, с. 192).

С 1925 г. исследованием в Солхате занялись Н. И. Бороздин, А. С. Башкиров, У. А. Боданинский, О. А. Акчокраклы, при участии других специалистов. Эти работы вылились в целый ряд публикаций (Боданинский, 1925; Бороздин, 1925, 1926а, б. 1927; Акчокраклы, 1927; Башкиров, 1927). Через два года выходит статья О. Акчокраклы в сборнике Таврического общества истории археологии и этнографии, темой которой стали могильные надписи на старокрымских надгробиях (Акчокраклы, 1927). Во второй половине 20-х гг. XX в. началось изучение древностей Судака. Ранее проводивший на территории крепости нерегулярные шурфовки директор музея Р. И. Гафнер, не оставил никаких отчетов о проделанных работах. Одним из первых разведочные работы в Судаке организовал А. А. Фомин. Были также начаты шурфовки в районе Портовой башни Фредерико Астагуэрра (Майко, 2015, с. 12). В 1926 г. под руководством Н. С. Барсамова и работника Эрмитажа С. М. Гайдина была организована экспедиция совместно с Феодосийским историкоархеологическим музеем. Она обследовала окрестности Судака, Кутлака, Ай-Сереза, Капсихора, Чобан-Куле, Ускюта, Туака, Кучук-Узеня, а также Отузского района. В 1927 г. археологические разведки в Отузской горной долине выявили три некрополя. На могильнике в 1927 г. экспедицией Феодосийского археологического музея под руководством Н. С. Барсамова было раскопано одно погребение и два зафиксированы (Бочаров, 2011, с. 253). Ранее, в 1926 г. сотрудниками археологической экспедиции Крым ЦИКа по изучению татарской культуры в Крыму, на древнем сельском кладбище было зафиксированы три надгробных камня 1328, 1361 и 1380 гг. Находку стелы 1328 г. выделял И. Н. Бороздин: «Надгробие Конийского шейха в Отузах ценно тем, что прямо ведет нас в центр сельджукизма — Конью с весьма показательной датой первой четверти XIV в.» (Бочаров, 2011, с. 254). В 1928 г. Н. С. Барсамовым опубликованы результаты археологических работ 1927 и 1928 гг. на золотоордынском поселении Отузы Феодосийского района (Барсамов, 1928, с. 165). В 1927 г. во главе с Ю. В. Готье проводятся разведки памятников в окрестностях Судака. А с 1928 г. в исследованиях принял участие Н. Д. Протасов — специалист в области церковной археологии. Первые обмеры оборонительных сооружений Судака произведены в 1928—1929 гг. сотрудниками Государственной академии истории материальной культуры, а именно Е. Ч. Скржинской, М. А. Тихановой и А. Ю. Якубовским. Они открыли некоторые оборонительные узлы крепости (Майко, 2015, с. 14).

После достаточно долгого перерыва древности Солхата и его округи, а именно монастыри Сурб-Хач и Сурб-Степанос, исследовались О. И. Домбровским и В. А. Сидоренко в 1973—1976 гг. В 1978 г. выходит их книга «Солхат и Сурб-Хач». С 1978 г., а с 2009 г. совместно со студенческой практикой Крымского инженерно-педагогического университета под руководством Э. И. Сейдалиева, и по настоящее время в городе и его окрестностях ведет работы экспедиция отдела Востока Государственного Эрмитажа под руководством доктора исторических наук М. Г. Крамаровского. Были изучены архитектурно-археологические объекты городской застройки, крепостные сооружения средневекового Солхата, памятники городской округи — ремесленное поселение Бокаташ 2 и поселение Кринички (Крамаровский, 2014).

В 1953 г. начались археологические разведки в Судакском и Феодосийском районах. Были открыты новые памятники и проведены исследования ранее открытых объектов. Исследования 1964-1969 гг. предоставили информацию о возникновении и развитии средневекового Судака и его окрестностей. Были впервые открыты усадьбы городского посада XIII - XV вв. В 1969 г. проведены раскопки большого общественного здания у главных ворот. С 1977 по 2000 гг. на территории Судака проводились археологические исследования Крымского Филиала Института археологии НАН Украины под руководством И. А. Баранова. Они были сконцентрированы вдоль оборонительной линии Судакской крепости. С 2002-2005 гг. в Судаке проводится экспедиция Национального заповедника «София Киевская» на территории цитадели средневекового города. Была уточнена планировка городской застройки XIV – XV вв. В 2006 г. выяснили общую типологию жилых сооружений XIII - XVI вв. (Майко, 2015, с. 21).

С. Т. Эшрепов 103

В 1994—1995 гг. проводились раскопки на восточном склоне Карантинного холма Феодосии, между башнями Климента VI и Криско. При исследовании слоя темно-коричневого суглинка, датируемого XV в., была зачищена прямоугольная в плане постройка, интерпретированная как бронзолитейная мастерская (Бочаров, 2000, с. 130).

В 2000 г. разведки Восточно-Крымской (Феодосийской) археологической экспедиции Крымского филиала Института археологии НАН Украины, выявили остатки византийского монастыря при селении Калиера (Бочаров, 2011, с. 254). В 2006 г. проведены археологические исследования для получения стратиграфии и определения даты существования замка Калиера (Бочаров, 2011, с. 258).

Подводя итог, нужно отметить крайне важное положение археологических источников в изучении социально-экономической жизни полуострова. Этому способствовали активные археологические исследования, которые начались с 20-х годов XX в. и ведутся до настоящего времени. К сожалению, формат тезисов не позволяет раскрыть историю археологического изучения городов и поселений юго-восточного Крыма достаточно полно. Данная работа будет продолжена в дальнейшем. Результаты археологических исследований памятников полуострова дают важную информацию о социально-экономической жизни городов юго-восточного Крыма в золотоордынский период.

# Список литературы

- Акчокраклы О. А. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII XV вв. // ИТОИАЭ. 1927. Т.1 (58). С. 5–7.
- **Барсамов Н. С.** Археологические раскопки в Отузах 1927 и 1928 гг. // ИТОИАЭ. 1928. Т. 3 (60). С. 165–169.
- **Башкиров А. С.** Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. Вып. 1 (3). С. 122–144.
- Боданинский У. А. Крым много веков назад: работа этнографической группы научной экспедиции КрымЦИКа и СНК // Красный Крым. 1925. 23 августа. (Издано под псевдонимом: Уссейн Б.).
- **Бороздин И. Н.** В древней столице крымских татар: раскопки в Старом Крыму // Красный Крым. 1925. Вып. 188 (1406). 19 августа.
- Бороздин И. Н. Солхат: предварительный отчет о работах археологической экспедиции КрымСовнаркома, КырмЦИКа и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году // Новый Восток. 1926а. Вып. 13/14. С. 271–301.
- Бороздин И. Н. Археологические раскопки в Старом Крыму // Красный Крым. 1926б. Вып. 200 (1717). 1 сентября.
- Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: работы археологической экспедиции 1926 // Новый Восток. 1927. Вып. 16/17. С. 256–274.
- **Бочаров С. Г.** Генуэзко-татарские медные монеты Каффы // Stratum plus. 2000. Вып. 6. С. 130–137.
- *Бочаров С. Г.* Отуз и Калиера // Золотоордынское наследие. 2011. Вып. 2. С. 252–263.
- Зинько Е. А. Из истории изучения ранневизантийских склепов Боспора // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 523–540.
- Крамаровский М. Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. / Ред. А. Ю. Алексеев, А. М. Бутягин. СПб: АО «Славия», 2014. С. 138–153.
- Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.
- *Маркевич А. И.* Поездка в г. Старый Крым // ИТУАК. 1888. Т. 6. С. 64–77.
- *Маркевич А. И.* Старо-Крымские древности // ИТУАК. 1902. Т. 17. С. 124–129.
- Тункина И. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. Киев: Болеро, 2011. 240 с.

# Список сокращений

АДСВ Античная древность и средние века АН КазССР Академия Наук Казахской ССР

АСГЭ Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БИ Боспорские исследования БФ Боспорский феномен ВВ Византийский временник

ГАИМК Государственная академия истории материальной культуры

ГАРК Государственный архив Республики Крым

ГМИИ Государствен ный музей изобразительных искусств

ИАК История и археология Крыма

ИАК РАН НА Институт археологии Крыма Российской Академии Наук

Научный архив

ИИАК Известия Императорской археологической комиссии

ИИМК Институт истории материальной культуры

ИКАМ Инвентарная книга археологического материала

(ФГБУК ГМЗ «Херсонес Таврический»)

КНИБ Крымская научно-исследовательская база КСИА Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК Краткие сообщения Института

истории материальной культуры

КСОГАМ Краткие сообщения Одесского государственного

археологического музея

КФ Крымский филиал

МАИЭТ Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

НАО ГМЗХТ Научно-архивный отдел Государственного

музея-заповедника «Херсонес Таврический»

ПИФК Проблемы истории, филологии, культуры

РО НА РАН Рукописный отдел Научного архива

Российской академии наук

СА Советская археология

САИ Свод археологических источников

СГЭ Сообщения Государственного Эрмитажа ХМ КП Херсонесский музей Книга поступлений

ХСб Херсонесский сборник

ЮУрГУ Южно-Уральский государственный университет

(г. Челябинск)

# Сведения об авторах

**Аблаев Эдем Диляверович** (Симферополь), лаборант Института археологии Крыма РАН. E-mail: studentedem17@gmail.com

**Антипенко Анна Витальевна** (Симферополь), младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: an.antipenko@yandex.ru

**Астахов Иван Алексеевич** (Тула), младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «Палата древностей» Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. E-mail: astaha1@rambler.ru

**Ганцев Валентин Константинович** (Симферополь), аспирант Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: valentin.gancev@mail.ru

**Дедюлькин Антон Владимирович** (Ростов-на-Дону), ассистент кафедры археологии и истории древнего мира Института истории международных отношений Южного федерального университета. E-mail: donrumata@inbox.ru

**Катцова Александра Викторовна** (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник Государственного Эрмитажа. E-mail: av-ershova@yandex.ru

**Котина Алла Викторовна** (Керчь), кандидат исторических наук, научный сотрудник благотворительного фонда «Деметра». E-mail: allakotina@mail.ru **Краснодубец Елизавета Михайловна** (Севастополь), хранитель музейных предметов Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

E-mail: yelyzavet@ya.ru

**Набоков Артур Игоревич** (Симферополь), аспирант Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

E-mail: artur-nabokov@rambler.ru

Сейдалиева Джемиле Эльвировна (Симферополь), лаборант Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: Djemka65@gmail.com

**Тихомиров Виталий Александрович** (Симферополь), младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН. E-mail: tihomirov.va1985@gmail.com

**Тюрин Максим Игоревич** (Севастополь), научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». E-mail: tyurin.m.i@mail.ru

Чарусов Тимофей Александрович (Симферополь), аспирант Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: tima.charusov@mail.ru

**Чемодуров Николай Николаевич** (Симферополь), аспирант Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: Pasternatskiy@bk.ru

**Шабанов Станислав Борисович** (Симферополь), руководитель проектов и программ благотворительного фонда «Наследие тысячелетий». E-mail: neizats2004@mail.ru

**Шкрибляк Ирина Ивановна** (Симферополь), заместитель директора Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский». E-mail: Vejde\_v\_I@mail.ru

**Эшрепов Сервер Талятович** (Симферополь), студент 4 курса Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова. E-mail: server.eshrepov@yandex.ru

#### Научное издание

# **Новые исследования** молодых археологов в Крыму

Материалы научной конференции 6–7 октября 2020 года, г. Симферополь



Издание осуществлено за счет средств гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов в рамках реализации проекта "Археология для молодых: курс профессиональной подготовки" (№ 20-1-002866)

Научный редактор: И. Н. Храпунов Верстка: Ю. И. Борозна